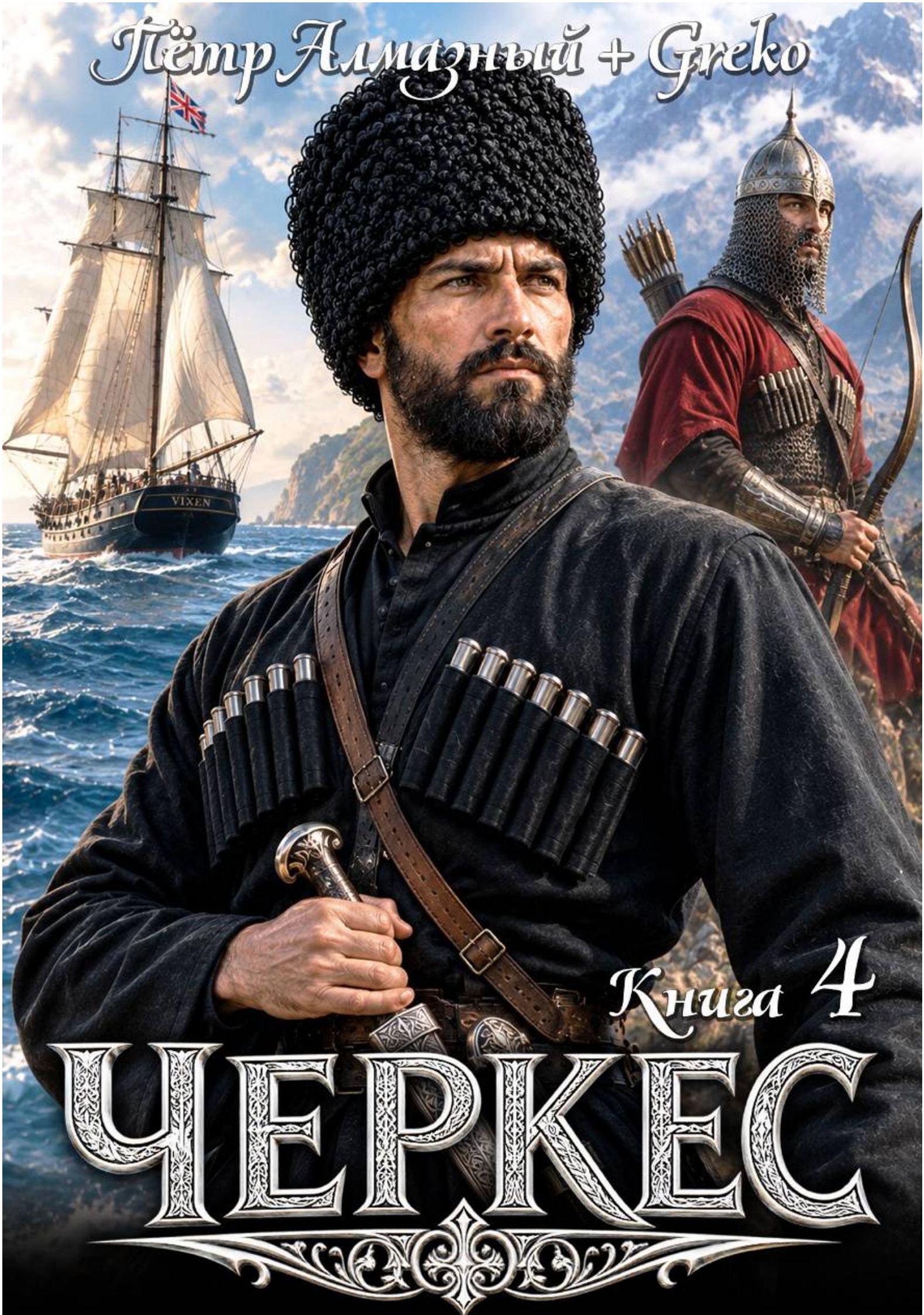
Пётр Алмазный + Greko

Книга 4

ЧЕРКЕС

Петр Алмазный

Черкес. Книга 4

«Автор»
2026

Алмазный П.

Черкес. Книга 4 / П. Алмазный — «Автор», 2026

Начата беспрецедентная по силе и масштабам атака английской разведки на Российскую империю. Но на пути у хитрецов из туманного Альбиона встает наш герой. Ему предстоит сделать сложный выбор между долгом и зовом сердца. Придется одновременно бороться с провокацией и спасать любимую. А вдобавок ко всему: узнайте подлинную историю шхуны "Виксен" и как опозорился Черноморский флот.

© Алмазный П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Привет, «Лисица»! 6
Глава 2. Провокация. 13
Глава 3. Сделал гадость – сердцу радость. 20
Глава 4. В цепях. 26
Глава 5. Курс – на Севастополь! 32
Глава 6 . Сижу за решёткой в темнице сырой. 38
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Петр Алмазный, Greko
Черкес. Книга 4

Название: Черкес. Книга 4. Прыжок "Лисицы"
Автор(-ы): Greko, Петр Алмазный

Глава 1. Привет, «Лисица»!

Ребра справа ныли, не переставая. Наверное, трещина. Держаться на лошади из-за этого было трудно. Ехал, сцепив зубы. И ругался на себя.

Вот, не фиг было в героя играть! Вообразил себя невесть кем, Клинт Иствуд недоделанный! Нет чтобы сперва оглядеться! Как можно было не заметить в толпе горцев офицера в турецком мундире?!

Нас окружили не милиционеры-гурийцы, а лазы или аджарцы. Рыскали вдоль границы, поджидая контрабандистов, чтоб ободрать как липку. А наткнулись на нас. И, да! Мы все-таки выбрались в Турцию!

И Спенсер первым делом предъявил фирман султана. К глубочайшему разочарованию всего отряда иррегуляров, готовых посоперничать разбойным видом и набором разнообразного оружия за поясами с отъявленными головорезами из Черкесии. Наш богатый караван они заранее приговорили к дерибану. И теперь кусали локти. И бросали на нас злые взгляды. Как кобели, которых отогнали от помойки с объедками.

До Батума добрались быстро и без потерь. И, к нашему восторгу, узнали, что нас ожидает английский корабль. Двухмачтовая шхуна, нанятая торговцем Джеймсом Станиславом Беллом. Он получил инструкции от английского посла в Стамбуле лорда Понсонби встретить нашу миссию и оказать максимальное содействие в нашем возвращении.

Шхуна называлась «Виксен», «Лисица». Две недели она простояла в порту в надежде, что Спенсер прорвется сухопутным путем или приплывет на баркасе, отважившимся пуститься в каботажное плавание во время осенних штормов. Но время шло. Спенсера не было. Капитан шхуны, мистер Чайлдс, уже был готов сниматься с якоря. Погрузка приобретенных в Кобулети орехов была близка к завершению. И тут мы свалились с гор, как снег на голову.

В моей табели о рангах премерзких типов Джеймс Станислав уверенно занял первое место. Он сумел далеко переплюнуть самого Стюарта с его «рыбьим глазом». Более надменно-брезгливой рожи, чем у Белла, я не встречал в обеих своих жизнях. Адресованные мне слова он цедил сквозь зубы. Не говорил, а скрежетал, как «взлохмаченный вереск у ног». Чертов шотландец! Наверняка, Уркварт из родных пенатов его вытащил.

Первым делом Белл четко обозначил, что мой давно сгинувший статус слуги для него не изменился ни на дюйм. Напрасно Спенсер пытался ему втолковать, что слуга – это не более чем легенда, что меня на Кавказе знали как его спутника и партнера. Что я оказал англичанину неоценимые услуги и не раз спасал ему жизнь. Тщетно!

— Отличная идея, дорогой мистер Спенсер, нанять себе для такой поездки слугу-грека! Я непременно последую вашему примеру, если соберусь повторить миссию, подобную вашей. Спасал жизнь? Разве не входит в обязанности слуги заботиться о своем господине? Но мы обсудим тет-а-тет все выгоды подобного найма.

Мы стояли на берегу главной гавани Батумского пашалыка. Она была плотно заставлена всеми видами торговых турецких судов. Их бессовестно задранные кормы, удерживаемые на длинных канатах, качались на волнах в нескольких десятках метров от нас. Среди этого сборища прадедушек торгового флота гордо выделялась своими изящными обводами шхуна английской постройки. Шлюпки сновали туда-сюда, дабы заполнить ее трюмы. Белл был торговцем, хотя и производил впечатление чиновника. О своей выгоде он предпочитал не забывать, зорко приглядываясь к товарам конкурентов.

— Я не повезу лошадей на борту. Разве что могу купить эту пару изможденных черкесских коней фунтов по пятнадцать за каждого. Что скажете, мистер Спенсер?

Эдмонд даже ухом не повел от такого бессовестного предложения своего коллеги по шпионскому цеху. Из Белла – такой же торговец, как из меня – оперный певец. И он, и я – мы

оба бесконечно фальшивили. Впрочем, изображать торговца хрипатому Джеймсу все ж было легче. Наглость заменяла ему торговую сметку.

— Лошади не мои, дорогой мистер Белл. Они – добыча храброго воина, которого вы упорно пытаетесь выставить служкой. Я – о Косте. Уточняю на всякий случай, чтобы не вышло недоразумения.

Мы поделили добычу, не доезжая Батума. Спенсер забрал себе самый лучший кинжал. Не из-за денег. Как память о страшном приключении. По идее, ему бы щепку сохранить из борта «Блиды» или камушек из скалы перед Гаграми. Вот, где были самые ужасные моменты нашей поездки, не считая Одесских мин! Но щепку, как и скальный обломок, на ковер не пристроишь. Так что остался кинжал. Только кинжал!

Белл вытаращился на нас в полном изумлении. Будто в первый раз заметил наши изгвазданные черкески и глубокие тени под глазами на осунувшихся лицах. И сделал странные выводы.

— Эй, бичо! Я тебе милость оказал. Цена отличная!

Что!!! Он назвал меня мальчиком?! Слугой, таскающим за толстыми матронами корзины на базаре?! Я схватился за кинжал на поясе, но прежде сдвинул в ладонь нож Бахадура.

Эдмонд прыгнул на меня. Повис на плечах.

— Немедленно извинитесь, болван! – закричал он с надрывом Беллу. Тот испуганно хлопал глазами и никак не мог запустить свою дырявую шарманку под названием речевой аппарат. – Коста, Коста! Все, все! Он – идиот. Не ведает, с кем говорит! Ты сам утверждал: нет уорку чести прирезать слабого!

Я слегка расслабился. Строго взглянул на дрожащего Белла. Задвинул кинжал обратно в ножны.

— Ты, мистер бей-инглез, следи за своим языком! Наслушался на базаре непонятных слов! А смысла не понял! Ты меня мальчиком назвал! Двусмысленно назвал! На первый раз тебя прощаю, но в следующий…

Я разжал пальцы и продемонстрировал острозаточенную стальную полоску. Джеймс сглотнул. Не мог отвести глаз от возможной причины своей смерти. В красках себе представил, как, заливая гальку красненьким, рухнет в прибрежную грязь.

— Я прошу прощения у князя! – он вмиг сориентировался и все понял. – Подарок желаю вручить! Или за коней цену вдвое поднять!

— Иди на хрен, англичанин! – я развернулся к нему спиной и окликнул турецких солдат, державших лошадей. – Эй, аскеры! Где тут барышник?!

Зашагал, слегка покачиваясь, прижав руку к болевшему ребру. Солдаты, привыкшие к подобным сценам в исполнении черкесов, бодро семенили рядом, удерживая коней.

— Да, кто он такой! – раздался в спину голос Джеймса.

— Я – Зелим-бей! – резко объяснил я, повернувшись. – Запомни это имя!

… Эта сволочь запомнила. Записала на манжетах. И чтобы не обмишуриться, отправила меня отдыхать на бак, когда мы отплыли. Можно подумать, уязвил! Напротив, обрадовал! Вернул в родную стихию! И плевать, что вокруг сновали англичане-матросы. Меня они обходили стороной. Обращались с почтением. Слухи о нашей стычке с фрахтователем быстро разошлись. И я сам по себе в глазах других превратился в угрозу. Два месяца на Кавказе меня основательно переменили. Придали уверенности в себе. Превратили в черкеса. Люди это безошибочно чувствовали. Словно воздух вокруг меня пропитался феромонами, подающими сигнал опасности.

В Трабзоне было также. Мы не нуждались ни в Ахмете, ни в телохранителях, чтобы дойти до конспиративного дома англичан. От нас со Спенсером шарахались, как от прокаженных. Его это необычайно веселило. Белла, который нас поторапливал, – скорее напрягало. Похоже, он уже сожалел о том, что с первого мгновения нашего знакомства явно погорячился.

Стюарт снова встретил нас, как и в прошлый приезд, чубуками и кофе. Всем своим видом выражал восхищение. На меня поглядывал с ноткой легкого недоумения, пока Спенсер кратко пересказывал этапы нашей кавказской эпопеи. Задавал мне уточняющие вопросы, но не пытался ловить на противоречиях. Вежливо попросил меня проследовать в соседнюю комнату, чтобы изложить на бумаге все подробности.

Я с удовольствием воспользовался его предложением. С небольшим перерывом на обед и ужин долго писал отчет. Причем, в двух экземплярах. Один для англичан, другой – для Фонтона. Оставалось лишь придумать, как связаться с русскими. Мне отчаянно не хотелось обращаться за помощью к консулу Герси. Но какой у меня выбор?

Было и другое дело. Я не забыл свою идею написать письмо на имя лорда Палмерстона. Разговоры между Спенсером и Стюартом, свидетелем которых я стал, ясно показывали: группа англичан, сплотившаяся вокруг лорда Понсонби и выдвинув Уркварта как идеолога, настроена более чем решительно. Планировала активизировать деятельность агентов. Считая миссию Спенсера выдающимся успехом, она нацелилась на отправку оружия и кураторов на Северный Кавказ. В воздухе витал запах авантюры. Быть может, даже не согласованной с Лондоном.

Итак, письмо лорду Палмерстону. Моя единственная возможность что-то всерьез изменить. Если верно понятие «механизм принятия внешнеполитических решений», то Генри Джон Темпл, министр иностранных дел и, возможно, самый влиятельный человек Британской Империи, – именно тот элемент этого механизма, который способен предотвратить страшное. Меня не оставляло предчувствие, что кавказский узел все сильнее и сильнее затягивался руками таких людей, как Понсонби, Уркварт, Стюарт, Белл и даже Эдмонд.

Изложил на бумаге все положенные формулы вежливого обращения к большому начальнику и кратко обрисовал свое участие в миссии Спенсера. Четко обозначил себя как ревностного агента на службе короны, для которого интересы Империи стали смыслом жизни. Далее без обиняков написал:

«Сэр! Лорд Понсонби усвоил странную манеру доводить до Лондона ту «правду», которая ему интересна. Отчеты его агентов, с которыми вас, без сомнения, знакомят, рисуют искаженную картину происходящего на Кавказе. Умаляют успехи русских, возвеличивают победы черкесов. Позволю себе выразить сомнение в возможности принятия взвешенных решений на основе недостоверных данных. Прошу простить меня за дерзость. Я вовсе не пытаюсь усомниться в Вашем политическом чутье. Но, быть может, это самое чутье подскажет Вам, что действия посла Британии далеки от задач внешней политики Империи и определяются расчетами внутренней политической борьбы? И конечная цель лорда Понсонби и его клевретов состоит в том, чтобы не возвысить Британию в глазах всего мира, а свалить кабинет сэра Уильяма Лэма?»

Я довольно крякнул. Это я удачно ввернул про извечную грызню за власть английского истеблишмента. Теперь нужны доказательства.

«Оставляя в стороне вольную трактовку намерений России добраться до Индии, спешу поделиться с Вами своими выводами от увиденного в Черкесии. Этот край давно объят войной. Но наивно предполагать, что черкесы спустятся со своих гор и станут грозить России в ее внутренних губерниях. Кроме этих гор их ничего не интересует. Как мы пытаемся сейчас использовать черкесов против России, так и они используют нас, чтобы получать бесплатно порох, свинец и золото. Никакой Черкесии под английским протекторатом не будет. Стоит нам предпринять подобные шаги, они развернутся и начнут сражаться с нами, как до этого сражались с русскими. Но их борьба подобна укусам слепней, а не атаке пчелиного роя. Она доставит России неприятностей, но не опрокинет ее. А вот наши усилия выглядеть защитниками народов Кавказа, в случае неудачи, обернутся против нас самих же, выставив пустыми мечтателями».

Немного поколебавшись, я добавил следующие строки:

«Все попытки наших агентов объединить черкесов обречены на провал. Их развитие далеко от возможности создания единого государства с централизованным правительством. Более того, главное препятствие скрыто в самих горцах. Оно – в их головах. В их сердцах».

Я задумался: стоит ли вдаваться в подробности? Потом решил, что кашу маслом не испортишь и написал открывшуюся мне истину:

«Смысл жизни черкеса – быть лучшим. Быть первым среди равных. Он участвует в войне, все время оглядываясь, чтобы оценить, видят ли товарищи его молодецкую удаль. Горцы приглашают барда на бой, чтобы тот с дерева или из укромного места смог увидеть, а потом воспеть их подвиги. Они идут в набег не ради добычи, а для того, чтобы доказать всем и вся, что они настоящие мужчины! Из этого следует, что они, во-первых, безусловно, великолепные воины. Они готовятся, как настоящие спортсмены, к самому страшному соревнованию, в котором ставкой является жизнь. А, во-вторых, как это не парадоксально звучит, они никогда не смогут объединиться. В этом – их слабость. Они – одиночки, а не командные игроки».

Конечно, я мог многое еще добавить. Но решил на этом остановиться. Большие начальники не любят длинных писем и многостраничных документов. Главное сказано: посольство лжет, есть опасность потерять лицо из-за Кавказа и бессмысленны усилия по объединению горцев. Если в Лондоне усвоят хотя бы эти три пункта, быть может, перестанут платить золотом за жизнь русских солдат?

Я отдавал себе отчет в том, что действую как наивный мечтатель. Но я – попытался! По второму и третьему пункту в Лондоне, скорее всего, посмеются. Когда сами обожгутся, вспомнят. А вот по первому пункту, думаю, реакция будет быстрой. Будем посмотреть!

Многое зависело от Спенсера. Сможет ли он передать письмо министру? Захочет ли он это сделать?

— Эдмонд! Ты помнишь наш разговор в Сванетии? – спросил я, вручая ему письмо. – Когда ты сказал, что готов умереть за право другого высказывать недопустимые для тебя мысли?

— Ты хочешь сказать, что в этом письме как раз и содержатся те самые мысли, за которые я готов убивать? – проницательно ответил Спенсер. – И кому же оно предназначено?

— Лорду Палмерстону!

— Ого! Ты не разменяваешься на мелочи, мой друг!

— Бью по штабам! – с ухмылкой согласился я.

Эдмонд повертел письмо в руках. Решительно спрятал его в дорожный бювар. Папка была уже изрядно набита письмами и бумагами.

— Я сделаю это, Коста, – серьезно добавил. – Ты выбрал нужного человека. Уверен, что по прибытии в Лондон такая встреча состоится. Министр примет меня, чтобы получить отчет о моей миссии и… заранее узнать, не подвергнется ли кабинет критике в моей книге.

Он радостно хихикнул. Он был в предвкушении встречи с издателем. Он держал в руках пахнущий типографской краской томик своего «Путешествия». Пусть пока только в мыслях. Ему доставало воображения представить подобную картину в красках.

— Есть еще одна просьба! – я отвлек его от мечтаний. – Твоя книга… Не думаю, что тебе нужно упоминать мое имя.

Спенсер задумался и кивнул.

— Понимаю! Не хочешь навлечь на себя в будущем проблем с русскими властями! Я сделаю это, обещаю. Тем более, у тебя сестра с племянником остались в Крыму. Поедешь к ним?

— Хочу вернуться в Грузию!

— Прекрасная Тамара! Конечно! Кто устоит перед ее чарами!

— Эдмонд!

— Ха-ха-ха! Наш герой, стоявший один против банды тушинов, смутился!

Я посмотрел на него с укоризной.

— Молчу, молчу… Кажется, у меня есть возможность помочь тебе добраться до Кавказа!

— Я думал присоединиться к какой-нибудь торговой экспедиции до Редут-Кале. Или до Поти… Нет, Поти – исключено!

— Почему?

— Есть свои резоны! Не будем углубляться.

— Собственно, мне без разницы. Более того, я бы не советовал тебе ехать через грузинские порты!

— Почему? – удивился я.

— Ты забыл про карантин?

Черт! Действительно, забыл! Я с надеждой посмотрел на Эдмонда. Что он придумал? Как избежать двухнедельной изоляции?

— Чуть позже, мой друг. Дай мне пару дней все устроить! Будь уверен, я не уеду, пока не посажу тебя на корабль до Кавказа!

— Отлично! Я буду ждать с нетерпением. Надеюсь, в этот раз тебе не придется бегать, как в Одессе?

Мы оба расхохотались, вспомнив стипль-чез перед нашей отправкой на «Ифигении» в Крым. Как много пройдено вместе! Как грустно от мысли, что расставание не за горами.

— Чем займешься, кунак?

— Если ты о моих планах в целом, то пока воздержусь от ответа. Не определился. Если же о ближайшем будущем, то хочу выполнить то, что давно себе обещал. Мечтаю о хамаме. Присоединишься ко мне?

— Вынужден отказать, – вздохнул Спенсер. – Даже фанатичная вера Уркварта в торжество банной идеи меня не сподвигнет на этот замечательный поход. Слишком много дел навалилось по приезду. Огромная корреспонденция. Отчеты. Работа с моими записями. Издательство ждать не будет. К сожалению, мой первый издатель мне отказал. Но мне тут же подыскали нового. Теперь мне предстоит сотрудничество с мистером Кёльберном из Лондона.

— Что ж! Остается лишь поздравить тебя! Как книгу назовешь?

— Конечно, «Прогулка под парами вдоль берегов Черного моря». Я твердо намерен включить в нее хотя бы часть нашего кавказского путешествия.

— Там мы немного плавали. Больше на лошадях!

— Плевать! Заметки о путешествии к адыгам станут сенсацией. Я вынесу Черкесию в заголовок!

— Хммм… Мало кому удастся проплыть по горам на пароходе!

— Смейся, смейся! Но не забывай: перед тобой стоит будущий автор бестселлера!

— Прощения прошу! Дурак, забылся! Больше не повторится!

— Ступай в свою баню, паяц! Как говорят русские: с легким паром!

До хамама я так и не добрался. На полпути меня притормозил странно одетый старый грек. В нем, к невероятному моему удивлению, я узнал Фонтона. Он сделал мне незаметный знак рукой, призывая следовать за ним. Мы нырнули в узкую улочку, заставленную бочками до неба.

— Ну, здравствуй, пропащая душа! – Феликс Петрович на ходу крепко пожал мою кисть. – Думали, все! Съели раки нашего греку!

— Как видите, живой, Ваше Благородие! – как ни таился, не смог сдержать улыбки.

— Со щитом али на щите?

— На щите, на щите!

— Так и думал, что поймешь, о чем спросил! – этот хитрец опять меня подловил.

Мы заскочили в проходной двор. Свернули в тоннель типа того, в котором я впервые очнулся в этом мире. Даже осел присутствовал!

— Переждем пару минут. Посмотрим, не увязались ли соглядатаи?

Фонтон внимательно меня осмотрел с головы до ног. Вздохнул украдкой.

— Здесь скажу! На место придем, не до того будет. В Константинополь тебе нельзя ни за какие коврижки. Ищут тебя. Крепко ищут. За убийство какого-то турка. Нешто и вправду руку приложил? Впрочем, молчи! Знать не хочу! Просто запомни: в столицу – ни ногой!

Я кивнул, подтверждая, что понял. Мы рванули дальше. Поплутав по сложному лабиринту Нижнего города, проникли в неприметную лачугу.

Прямо с порога я попал в объятия отца Варфоломея. Да и Феликс Петрович не стал изображать большого начальника. Быстро избавился от грима. Принял от меня бумаги. Снова крепко пожал руку, твердо глядя в глаза. Похлопал по плечу. Усадил за стол как дорогого гостя. И слова не дав сказать, призвал к тишине.

Откашлялся и торжественным тоном стал зачитывать по памяти письмо от посланника Бутенева:

— «Дорогой Феликс Петрович! В прошедшем месяце я имел счастие упомянуть о желании грека Варвакиса переменить турецкое подданство на Русское во всеподданнейшей записке, которую Государь Император соизволил рассматривать, и против параграфа, говорившего о твердом намерении Варвакиса, Его Императорское Величество Высочайше соизволил собственноручно отметить «не вижу к сему препятствий». Встань, Коста! – я встал, вытянулся в струнку. – Ваше преподобие…

Отец Варфоломей поднялся и положил передо мной на стол Евангелие. Фонтон вручил мне бумагу.

— Руку на Евангелие и читай! С выражением! Не части!

Я принялся зачитывать. Мой голос от волнения слегка подрагивал, но я справился:

— Клятвенное обещание (присяга). Первое ноября 1836 года. Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием в том, что хощу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Николаю Павловичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу, верно и нелицемерно служить, и во всём повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и имущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере старатися споспешествовать всё, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной), так и по особливой, определенной и от времени до времени Его Императорского Величества именем от предуставленных надо мною начальников, определяемым инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу; как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. По сей форме присягал: Варвакис Константин, Спиридонов сын.

Конечно, я спотыкался на некоторых словах. «Споспешествовать», «тщатися», «предуставленных» – такие перлы без поллитры не выговоришь. Но более или менее справился.

Поцеловал крест, поданный отцом Варфоломеем. Подписал бумагу, что не принадлежу к масонам. И перестал быть турецкоподданным. Нет, не стать мне впредь отцом Остапа!

Уселся за стол. Батюшка с доброй улыбкой протянул налитую рюмку водки. Я хряпнул, похрустел огурцом. С удовольствием отщипнул кусочек от краюхи черного хлеба. Здравствуй, Родина!

Первым делом поинтересовался, как жизнь у студента и Фалилея. Все у них было в порядке. Жалко только не смогли из Стамбула приехать ко мне на встречу. Не знали, до последнего момента когда я сюда прибуду и прибуду ли вообще. А потом Феликсу Петровичу стало не до организации встречи друзей. Решение о его поездке в Трабзон принималось на бегу. Но без отца Варфоломея он, понятное дело, обойтись не мог.

Фонтон с батюшкой к консулу заявились по делам посольским и церковным. Официально. А неофициально потолковать с запропастившимся греком. И ввести его в состав русских подданных.

— Как ты в Батуме появился, ко мне весточка полетела.

— Лазутчики доложили? – догадался я..

Феликс Петрович отпираться не стал.

— Приглядывали там кое за кем. И кое за чем тоже.

— Как я понимаю, на консула Герси мало надежды? Так и не проведал он о нашем со Спенсером путешествии?

— Не проведал, – признался Фонтон. – Но встречу с тобой организовать помог. Хоть какой-то от него толк.

— Он не работает на англичан. Они над ним смеются, – припомнил я сцену на явочной квартире перед отправкой в Черкесию.

Фонтон лишь хмыкнул. Стал меня выспрашивать о ближайших планах. Я рассказал о своих видах на Грузию. Немного сумбурно, как это часто бывает после долгой разлуки. Только-только стал приходить в себя после торжественной церемонии и бурной встречи. Не успел собраться с мыслями – куда там! Фонтон огорошил:

— Не желаешь ли ты, Коста, снова в Черкесию прокатиться?

Глава 2. Провокация.

Я чуть не поперхнулся водкой, которую только выпил. Возмущенно уткнулся взглядом в Фонтона. Откинулся на спинку стула. Набрал воздуха, чтобы обрушиться с критикой и упреками.

— Не кипятись! – остановил меня Феликс Петрович. – Сперва выслушай.

Я прокашлялся и согласно кивнул. В конце концов, с меня не убудет и послушать.

— В порту стоит шхуна «Виксен» под английским флагом, – начал он свой рассказ.

— Уже познакомился с ней! Прибыл на этой «Лисице» в Трабзон.

— А с ее нанимателем, торговцем Беллом, пересекся?

— А как же! Чуть горло ему не вскрыл в Батуме.

— Какой у нас Коста стал свирепый! – обернулся с усмешкой Фонтон к отцу Варфоломею. – Черкесия, положительно, его изменила.

— Закалила! – ответил батюшка без улыбки. – Он и ранее был мужчиной хоть куда. А ныне зело грозен стал, как я погляжу.

— Этот Белл, – продолжил Фонтон, – личность известная. Несколько лет назад под видом португальского консула вербовал в Глазго добровольцев для отправки в Португалию. А на деле помогал инсургентам. Потом завел с партнером торговую фирму «Белл и Александер». Занимался, судя по донесениям нашего консула в Галаце, подстрекательством бояр в Придунайских княжествах. Теперь здесь появился. Нанял корабль. Закупил порох и даже, по слухам, пороховую мельницу. Не трудно догадаться, для кого.

— Он собрался в Черкесию, – сделал я очевидный вывод. – Так вот про какой корабль мне толковал Спенсер!

— А ну-ка… На этом месте поподробнее, – заинтересовался Фонтон, выдав свою любимую фразу.

— Эдмонд обещал устроить меня на корабль контрабандистов, отправляющийся к берегам Восточного Причерноморья. Чтобы избежать карантинных правил.

— Если этот корабль – «Лисица», куда он отправится, по твоему мнению? В какую точку побережья?

Я задумался.

— На месте капитана Чайлдса я бы повел шхуну в Адлер. Там есть удобные бухты для швартовки. Там властвует Гассан-бей, англичанам благоволящий. Потом почитаете о нем в моем отчете.

— Адлер, Адлер… – задумчиво молвил Феликс Петрович. – Сообщу, куда следует. Перехватят, если успеют. Только боюсь, уже поздно. Пока мое письмо дойдет до моряков, шхуна уже будет в море. Еще есть варианты, где ее ловить?

— В бухту Пшады вряд ли сунется. Море бурное, под парусами тяжело заходить. В Цемес? Туда – тоже нет, после того как нас со Спенсером там чуть не прихватила «Ифигения», – Фонтон удивленно изогнул бровь. Я отмахнулся. – Все в отчете есть. Позже прочтете.

— Значит, Адлер. Что ж, все складывается для тебя лучшим образом. Ты же в Грузию собрался? Из Сухум-Кале, конечно, поближе будет, но «Виксен» туда не пойдет. Но и от Адлера доберешься без особых проблем. Хотя, что я знаю о тамошних дорогах? Это ты у нас теперь знаток Абхазии. Побывал там, где другим и не снилось. За подвиг почитаю твою поездку! Буду ходатайствовать о присвоении тебе Станислава четвертой степени за исполнение поручения начальства, сопряженного с опасностью! Воспользуемся правом Министерства иностранных дел подавать представления непосредственно в Капитул Российский императорских и царских орденов. Наш посланник обещал похлопотать.

Ага! На тебе, дурачок, еще один значок! Перед глазами пронеслись жуткие картинки, когда меня хотели за последние два месяца убить как враги, так и потенциальные друзья. Казацкая пуля, ядра от «Ифигении» и из гагринской крепости – как все это забыть? И что мне с этим орденом делать? На черкеску прицепить, когда к Гассан-бею попаду?

— Напрасно ты, Коста, брови хмуришь! – догадался о моих мыслях Фонтон. – Орден в России многие возможности открывает. Вот, собрался ты в Грузию. Не спрашиваю, что у тебя там за дела…

— Свататься хочу!

— О, женитьба – дело благое! А девушка из какой семьи? Мещанка или дворянка?

— Дворянка. Не княжна, но у братьев есть небогатое имение.

— И ты думаешь, что они тебе сестру отдадут, потому что ты у нас весь из себя такой молодец?

Я призадумался. Что-то было в словах Феликса Петровича такое, что я упустил. Братья же меня принимали как равного. Спросили, не князь ли я? Я им ответил, что уорк. И им этого оказалось достаточно. А что, если они попросту не знали, что уорк – это вовсе не дворянин, а свободный воин-рыцарь? И когда узнают, укажут мне на дверь?

— Ага! – удовлетворенно воскликнул Фонтон. – До тебя кое-что стало доходить! Возвращаемся к ордену. Станислав 4-й степени – это и потомственное дворянство, и небольшая пенсия, и мощное подспорье для получения очередного звания!

— Звания? – поразился я. Как-то у меня не выстраивалась в голове цепочка «Коста – звание».

— А что тебя удивляет? Да, пора о службе подумать! Ты теперь русский подданный и слуга царю. Нужно решить, где применить на пользу отечества твои таланты. Я тебе бумагу дал подписать про то, что ты не масон. Она обязательна при поступлении на службу, а не для присяги. Могу порвать, если хочешь.

Ай да Фонтон, ай да сукин сын! Опять подловил. Вечно у него так: кручу-верчу, запутать хочу!

— Да что ж ты чертом на меня глядишь?! – изумился резидент. – Тебе же добра желаю! Вот, привезешь ты жену в Тифлис. Чем займешься? По торговой линии пойдешь? Или, как правильный подданный, на службу определишься и положение приобретешь?

Я задумался. В его словах был заключен очевидный резон.

Фонтон, чувствовавший, что я на грани и что требуется еще одно небольшое усилие, чтобы перетянуть меня на свою сторону, чуть ли не зашипел над ухом, словно змий из Эдемского сада.

— И так ты быстрее доберешься до своей зазнобы!

— ?

— Сам посуди. Посуху тебе сейчас туда не добраться через горы. Дожди там всё к чертям размоют. Только шею свернешь! А так, считай, под белы ручки тебя на кораблике доставят!

Я же говорю – змей! Я вздохнул. Фонтон обрадовался, понимая, что клиент готов! Зашагал по комнате в своей манере.

— Хочу так сделать! Новая миссия у тебя непростая, но с прошлой не сравнить. Прокатишься с англичанами. Проследишь, где и кому груз передадут, если наши моряки не перехватят в море. И спокойно двинешься посуху в Тифлис. А я туда с консульской почтой отправлю прошение: так и так, зачислить грека Варвакиса на службу в унтер-офицерском звании и прикрепить к секретному отделению при Канцелярии главноуправляющего на Кавказа и командира Кавказского Отдельного Корпуса. Ты у нас – парень шустрый. С орденом да с грамотностью мигом в офицеры выйдешь! На Кавказе быстро в званиях растут. Недаром, местных чиновников титулуют кавказскими асессорами.

— Не коллежскими, а кавказскими? – заинтересовался я. Про такое не слыхал.

— Именно, кавказскими. Так местных чиновников прозвали, которые из-за сложной и опасной обстановки в наместничестве до коллежских асессоров быстро дорастают. Без экзаменов! Чтоб ты знал: коллежский асессор приравнен к майору. А это уже личное дворянство! Впрочем, с орденом у тебя в этом нужда отпадет.

В общем, расписал мне Фонтон перспективы, аж дух захватило! Если прикинуть, деваться мне особо и некуда. Разве что подумать о похищении невесты. Могут ведь братья рогом упереться и не отдать мне Тамару. Даже не глянут на солидный калым, который я собрал, распродав добычу от тушинов. Дворянская спесь!

Вот и выходило по всему, что нужно соглашаться с предложением Феликса Петровича. И идти кланяться в ножки англичанам, если у Спенсера ничего не выйдет. Этот Белл… Сразу видно, что редкий говнюк! Кто же знал, что с него нужно было пылинки сдувать?!

…Оказалось, что не нужно. Англичане, к совершеннейшему моему ошеломлению, дружно принялись меня упрашивать сопроводить мистера Джеймса к берегам Черкесии. Этот мараз даже выдавил из себя нечто вроде извинения:

— Понимаете, уважаемый Зелим-бей, я страдаю глухотой. Многие вещи понимаю неправильно. А мой голос… Увы, я знаю, что он может отталкивать. Но что поделать? Я не контролирую его звучание.

Ой, сейчас пущу слезу от сочувствия! И платочком глазки свои ясные утру!

Может, он и глуховат, но прекрасно сознавал, что и кому говорит. Он, к примеру, нанял все ж таки себе слугу-грека по имени Георгий Лука родом из кипрской Кирении. Подобрал типа себе подстать. Слащавого молодчика, сующего свой нос во все дыры, наушника и проныру. Столкнулся с ним при посадке на шхуну и сразу понял: с таким соплеменником следует держать ухо востро!

Еще больше меня насторожило наше прощание с Эдмондом.

Мы стояли друг напротив друга. В объятия не бросились. И он, и я в эту минуту, полагаю, заново переживали всё то, что нам пришлось испытать вместе. И решали, что же по итогу друг для друга значим? Меня, прежде всего, волновало не то, каким я останусь в его памяти. Вспоминать будет наверняка. А уж с теплотой или нет, сейчас не имело значения. Кто он, Эдмонд Спенсер, для меня? Вот главный вопрос. Думаю, что и он сейчас в первую очередь задавал себе подобный вопрос: кто я, Коста Варвакис, для него?

Смотрели, молчали, разбирались.

Я называл его кунаком. А уже в следующую минуту мог заклеймить про себя «падлой» или послать по матери. Я не раз и не два спасал его от смерти. И он отвечал мне тем же. Счёт мы давно не вели. Просто спасали. Я не считал его другом. Так и не смог. Но и врагом назвать – язык не повернулся бы. Я подумал, что лучшее воспоминание, которое с наибольшей точностью определяло наши отношения – сухумская драка. Тогда мы стояли спина к спине, отбивались от пьяной матросни, страхуя друг друга. И в то же время разговаривали. Спорили. И не могли договориться. Он гнул свою линию. Меня это раздражало. Даже бесило. Но я продолжал защищать его. Он, видевший и понимавший моё несогласие и раздражение, продолжал защищать меня. И дело даже не в том, что изначально мы были разведены по разные стороны баррикады. Он работал на Англию. Я – на Россию. Один этот факт мешал нам сблизиться до конца. Но наши приключения, наша борьба за жизнь, уверен, разобрали бы эту баррикаду. Не она стояла между нами.

Воспитание и положение в обществе? Да, наверное. Эдмонд – я это понимал всегда – был англичанином до мозга костей и эсквайром. И кредо его страны – нет ни вечных друзей, ни незыблемых правил, исключительно текущие соображения, конкретные задачи – стала и его кредо. Сословные границы он смог преодолеть. Но через правила переступить не мог. А, значит, не мог стать для меня настоящим другом. Потому что в тот момент, когда я перестал

бы соответствовать этой циничной формуле, Эдмонд, скорее всего, отошёл бы в сторону и предоставил мне одному разбираться с летящими в мою голову кулаками.

Сейчас мы обнимемся, скажем последние слова друг другу. Может, еще и встретимся, кто его знает? Но сейчас-то мы думаем, что больше не увидимся. И я точно осознавал, что мне будет грустно. Но эта грусть не шла ни в какое сравнение с той, которую я испытал, когда, сворачивая в переулок, оглянулся и в последний раз махнул на прощание Тиграну. Которого знал не так долго. С которым общался не так много. С которым не пережил и малой доли того, что довелось пережить с Эдмондом. Но, прощаясь с Тиграном, я плакал. А сейчас слёз не будет.

— Мы же не будем плакать? – усмехнулся Спенсер, опять догадавшись о чём я думаю.

— Нет. Думаю, не стоит. Не получится.

— Да. Да. Мне даже нечего оставить тебе на память. Думал про штуцер. Но за ним такой след, что, наверное, не нужно подвергать тебя излишней опасности.

— Ты прав. И я уже много раз тебе говорил. Повторю еще раз: лучшим подарком для меня будет твоя книга, Эдмонд. Иначе, окажется, что все было зря.

— Всё? – Спенсер прищурился.

— Почти всё, – я улыбнулся, согласившись.

— Ну и последнее. Я хотел... Что значит хотел?! – Спенсер перебил сам себя. – Я приглашаю тебя в Лондон! Понимаю, что из-за Тамары ты сейчас не сможешь воспользоваться этим предложением. Но я буду рад встретиться с тобой на моей земле, в моем городе. Очень хочу, чтобы ты его увидел. Буду твоим личным гидом и проводником! – мы оба рассмеялись. – Поверь, Лондон – лучший город в мире! И он ждёт тебя! Ну как?

— Спасибо, Эдмонд! Надеюсь, у меня получится воспользоваться твоим любезным приглашением. Не скрою, я очень хочу увидеть твою землю и твой город!

Эдмонд подошёл. Мы обнялись.

— Спасибо! – он был искренен.

— И тебе, Эдмонд! Как принято говорить у русских: не поминай лихом!

Спенсер отодвинулся. Руки его оставались на моих плечах.

— Какое точное пожелание!

Потом опять приник ко мне. Вдруг зашептал:

— Прошу тебя, друг! Как только прибудете на место, беги с корабля и не возвращайся на него! Не спрашивай ни о чём. Просто исполни мою просьбу.

Разомкнул объятия. Внимательно смотрел. Я, конечно, чуть растерялся, недоумевал. Но спрашивать ничего не стал, следуя его просьбе. Просто кивнул, указывая на то, что принял к сведению его предупреждение. Его прощальный подарок.

— Удачи! – пожелал напоследок мне Эдмонд Спенсер. Его ждал Лондон…

После такого прощания я не мог отделаться от ощущения, что меня втягивают в какое-то дерьмо. Когда корабль вышел в море, меня пригласили на обед к капитану. Проявили уважение. Но я чувствовал, что меня превратили в актёра дурной пьесы. Все реплики ее участников звучали фальшиво. Иногда невпопад.

— Сто тонн соли в трюме – отличный балласт для шхуны, – зачем-то сообщил мне капитан Чайлдс.

Ага-ага, поверил. А что в кормовой части разместили? Тоже соль? И потому к этому «важнейшему» грузу приставили часового? Я этот важный нюанс выяснил сразу по прибытии на корабль, быстренько по нему пробежавшись и все осмотрев.

— Рассчитываю выручить за эту соль приличные деньги! – добавил Белл.

Он продолжал бесить своей манерой смотреть на всех сверху вниз и изображать из себя торговца. Единственное, что меня примиряло с этим сборищем лжецов – выделенная мне каюта, в которой можно было укрыться от дождя и брызг морской воды.

От былого комфорта на баке не осталось и следа. Ноябрьское Черное море было неспокойно. Валкая шхуна, казалось, вот-вот опрокинется. Ее высокие мачты, огромный грот, слишком большие паруса для такой погоды создавали впечатление, что еще чуть-чуть – и морская волна зальет палубу и положит «Лисицу» набок. Шхуна то и дело черпала воду бортами. Ручные помпы работали непрерывно. Ветер крепчал.

Мое настроение было под стать погоде. Почему Эдмонд так настойчиво рекомендовал бежать с этого корабля? Что не так с «Виксеном»? Порох в трюме? Пора бы уже привыкнуть так плавать в Черкесию!

Известие о моем розыске в Константинополе заботило не меньше. Не то чтобы я планировал возвращаться в османскую столицу, но кто знает, куда заведет меня судьба? Было бы здорово встретиться с оставшимися там друзьями. И совсем не в радость снова попасть в «гости» к Ибрагим-паше. Фалакой теперь не отделаюсь. Повесят в назидание другим на первом попавшемся доме после короткого дознания.

Когда на горизонте сквозь пелену дождя проглянули кавказские горы, пассажиры корабля стали поодиночке выбираться на палубу. Я прошел на бак, с трудом удерживая равновесие. Неплохие качели создала непогода! Сердце екало в груди каждый раз, когда шхуна соскальзывала с гребня высокой волны.

Ко мне, как банный лист, прилип Лука. Все расспрашивал про черкесских девушек. Любят ли они подарки и как далеко можно зайти с ними в заигрываниях. Чувствовалось, что во флирте он весьма поднаторел. И в моих советах вряд ли нуждался. Да я, собственно, и помочь ему толком не мог. Нам со Спенсером было как-то не до черкешенок!

Вскоре, когда берег заметно приблизился, Белл отогнал грека от меня. Он хотел поговорить без лишних ушей.

— Непогода распугала русские крейсера! – констатировал шотландец своим надтреснутым голосом.

Вокруг и вправду было пустынно. Ни одного паруса на горизонте. Патрульные корабли русских спрятались в бухтах.

— Ваш отчет о поездке в Черкесию вызвал недовольство у лорда Понсонби, – неожиданное признание Белла застало меня врасплох. – Правильнее сказать, не сам отчет, а его резолютивная часть. С чего вы взяли, что сплочение горцев невозможно?

— Пообщаетесь с ними – поймете!

— Объединить можно даже мартышек! – презрительно бросил Белл. – А к чему были ваши замечания относительно преувеличения военных успехов черкесов?

— Но они и в самом деле более чем скромные! Когда мы обсуждали нашу миссию, прозвучало мнение о полном провале летней кампании 1836 года Вельяминова. Это абсолютная чушь!

— Хмм… Кто вам дал право судить о том, что и как происходит на берегах, к которым мы приближаемся?

Я развернулся лицом к Беллу и вытаращился на него в полном изумлении.

— Это моя работа, сэр. Мне за нее платит мистер Стюарт.

— Вы – глупец, Варвакис! Вы ровным счетом ничего не понимаете в политике! Суждения выносятся не в меблированных съемных домах Трабзона, а в фешенебельных гостиных Лондона. И там уже принято решение! Британия готова к войне с Россией!

Если бы рядом громыхнула пушка, я б и то меньше вздрогнул.

— Что вы трясётесь, как лист на осине?! Взгляните туда! – Белл ткнул пальцем в направлении кормы. – Что вы там видите?

Кроме снующих по палубе матросов и чистой линии горизонта я не видел ничего, чтобы могло привлечь внимание.

— Там, на гроте, трепещет Юнион Джек! Ничто не должно посрамить чести британского флага!

— Мистер Белл! Вас укачало? Вы бредите? Какая война? Какое оскорбление флага? Кем? Ни одного корабля на сотни миль вокруг!

— Отсутствие русских кораблей – это проблема! Ну, ничего… Сейчас мы разворошим пчелиный улей! – радостно осклабился негоциант.

Этот «мирный» торговец меня откровенно пугал. Что за странные речи? О какой войне он толковал? Еще эта бьющая через край энергия и лихорадочный блеск глаз. Сумасшедший на борту шхуны, набитой бочками с порохом, – это страшно! Я стал прикидывать, как половчее скрутить Белла и кого позвать на помощь.

— Уважаемый мистер! – елейным тоном обратился я к шотландцу в надежде его успокоить. – Мы же контрабандисты! К чему нам нежелательные встречи в море?

— Какой же вы тупица, Варвакис! – презрительно бросил Белл. – Разве вы не видите, что мы идем под британским флагом?!

Меня как молнией ударило! Точно! Контрабандисты флагов не вывешивают. Но что бы это значило? Чего хочет добиться капитан Чайлдс?

— Кажется, до вас, наконец, начало доходить очевидное, – Белл издал короткий лающий смешок. – Мы намерены прорвать русскую блокаду! Ткнуть русского медведя прямо в его зловонную морду! Никто не смеет препятствовать свободной торговле!

— Сэр! Это – провокация!

— И что с того?

— Нас могут задержать!

— Кто? Вы кого-то видите на горизонте? – я отрицательно покачал головой. – Но мы это исправим.

Загадочные речи Белла и предупреждение Спенсера начали складываться в отчасти понятную картину. Фразы-пазлы соединялись, образуя отдельные фрагменты. Но белых пятен еще хватало. Понять в целостности весь замысел я еще не мог.

— Известен ли ваш план правительству Его Величества?

— Наша экспедиция получила одобрение на самом верху. Таково желание министра иностранных дел нашего кабинета. Его намерения были сообщены через посредство государственного секретаря, господина Стренгвейса, секретарю дипломатической миссии в Константинополе мистеру Уркварту. Дэвид открылся мне и с моей помощью предпринял приготовления, – пафосно изложил Белл весь расклад задуманной провокации.

— Какова же истинная цель? – спросил я, с трудом сдерживая волнение.

— Как ни разовьется ситуация, мы будем в выигрыше в любом случае, – самодовольно поучал меня Белл. – Если русские нас упустят, мы доставим порох и оружие горцам. Я заработаю приличную сумму. Черкесы будут в восторге. Наши акции вырастут в их глазах. Если же нас перехватят и задержат, мы получим казус белли! Английский флот войдет в Черное море. Мы решительной рукой вышвырнем русских с Кавказа. Да что там говорить – мы вышвырнем их из Крыма, сравняв с землей крепость в Севастополе!

Боже! Мария! Янис! Мои балаклавцы! Над вами нависла смертельная опасность! Неужели мое вмешательство в ход истории спровоцирует Крымскую войну на 17 лет раньше? Ах, Тамара, Тамара… Придется погодить с возвращением к тебе! Нужно остановить это безумие!

— Когда мы прибудем на берег, Коста, – прервал мои панические мысли Белл, – потребуется ваше посредничество. Представите меня вождям. У меня с собой письма к Черкесской Конфедерации от Дауд-бея и Сефер-бея. Я настроен решительно! Следует призвать черкесов активнее нападать на береговые крепости. Кубань и Анапа подождут. Первая далеко, вторая – не по зубам горцам, пока они не обзаведутся пушками. Но укрепления Черноморской линии

на берегу, они слабы, как сообщил нам мистер Спенсер. Их следует смести в море, чтобы подготовить плацдарм для десанта с наших кораблей!

Уверенность Белла в приходе английского флота откровенно пугала. Неужели все решено и ничего нельзя сделать? Мой взгляд заметался по палубе. Быть может, взорвать шхуну к чертовой матери? Спастись не выйдет: несколько тонн пороха в трюме распылят корабль вместе с людьми на атомы!

Пока мы вели свой умопомрачительный диалог, корабль приблизился к берегу и начал поворот на север. Я даже смог сориентироваться. Мыс Адлер остался далеко за кормой. Мы приближались ко входу в бухту Геленджика.

— Почему мы идем на север?! – закричал я. – Разве нам не в Адлер?!

— Мы идем в Цемес! – «обрадовал» меня Белл.

— Но там же русские корабли! Нас со Спенсером там едва не прихватили!

— На то и расчет, Варвакис! На то и расчет… Впрочем, не станем полагаться на удачу. Пройдем так близко от Геленджика, чтобы нас обязательно заметили!

Чертовы британцы! Они всё предусмотрели! И Эдмонд тоже хорош! Это конкретная подстава! И чего я возмущаюсь? Был же уверен, что, если зайдет речь об интересах Англии, Эдмонд отойдет в сторону. Оставит наедине с опасностью. Нет, все-таки, не друг он мне!

Шхуна под британским флагом гордо неслась вдоль берега. Миновала в трех-четырех милях наблюдательный пост русских у входа в бухту Геленджика. На рейде покачивалось несколько кораблей, включая фрегат и военный бриг. Старый знакомый! Тот самый «Аякс», который гнался за «Блидой» Абделя, но так и не догнал. Алжирцы были невысокого мнения о выучке русского экипажа. Быть может, русский капитан не рискнет выйти в бушующее море. Побоится рисковать своим кораблем.

Я двинулся по палубе, нацелившись спуститься в трюм и оценить возможность совершить диверсию. И наткнулся на вооруженный караул у трапа. Капитан Чайлдс все предусмотрел. Без его разрешения на нижнюю палубу никого не пускали. У меня не было доводов, чтобы обосновать свое право тереться рядом с бочками с порохом в кормовой части, откуда часового не убрали.

Команда начала подготовку к швартовке. У четырех пушек шхуны суетились артиллерийские расчеты, занимаясь проверкой орудий. Две корабельные шлюпки готовили к спуску на воду. Их освобождали от брезента. Суджук-Кале, колбасно-мышиная крепость, был все ближе и ближе.

Попутный юго-западный ветер позволил шхуне совершить маневр и внес ее в глубину Цемесской бухты. Поздним вечером 12 ноября, в четверг, судно бросило якоря.

Глава 3. Сделал гадость – сердцу радость.

На окутанном мраком берегу то тут, то там загорались костры. Горцы устраивались на ночёвку. Но не на берегу, а в горах. Никаких сигналов от них не поступило. Но Белл их, похоже, и не ждал. Дал команду выставить часовых на небольшом удалении от шхуны – со стороны черкесского берега и со стороны моря. На воду спустили обе корабельные шлюпки с вооруженными матросами. Ночка им предстояла аховая – прислушиваться в кромешной тьме к скрипу уключин, чтобы вовремя предупредить о непрошенном визите. На борту царило напряжение. Я же, наплевав на все страхи, отправился спать. Утром потребуются силы.

Встал с рассветом. Вышел на палубу. Невыспавшийся Белл тер красные глаза, отчаянно зевал и просительно поглядывал на меня. Наконец, пересилил себя и подошёл.

— Зелим-бей, подскажите, что нам делать?

Ого, я снова Зелим-бей, а не глупец и тупица.

— Разве у нас есть выбор? Есть лишь два варианта. Или ждать, пока горцы приплывут узнать, в чем дело. Или самим отправляться на берег. Ждать я бы не советовал. Вы сделали все, чтобы русские за нами погнались.

— На море усилилось волнение! Не думаю, что они свалятся на нас внезапно.

— А крепость у входа в бухту? – я указал на русское укрепление у правого берега бухты.

— Спенсер предположил, что они, как обычно, будут сидеть за своими валами, как мышки. Посоветовал лишь не приближаться к ним на пушечный выстрел.

— Мышки – на противоположном берегу, – усмехнулся я, воздержавшись от объяснений по поводу «мышиной крепости». Лишь показал рукой на развалины Суджук-Кале.

— Давайте выждем несколько часов, – заискивающе предложил мне Белл, не советуясь, а ожидая конкретного решения.

Да уж! Власть на корабле временно поменялась. Без Зелим-бея англичанину не справиться. Теперь понятно, зачем меня так усиленно зазывали на корабль. Экспедиция была подготовлена спонтанно. Или времени не хватило заранее договориться о встрече. Нужно выжать максимум из столь удачно подвернувшегося расклада. Хорошо бы вообще эту шхуну ко дну пустить. Но не стоит ставить перед собой невыполнимых задач. В общем, война план покажет!

Через два часа волнение в бухте усилилось еще больше. Пришла пора выдвигаться на берег, пока была еще такая возможность. Черкесы явно не торопились нас посетить. Скорее всего, их пугали европейские обводы шхуны и непонятный флаг. В шлюпку набились вооруженные матросы, Белл со своим слугой и я в роли не то Дерсу Узалы, не то капитана Флинта.

Прибрежный лес, уцелевший после похода армии Вельяминова, настороженно молчал. Никто не выбегал к нам навстречу в полосу прибоя, чтобы принять шлюпку. Никто не спешил выразить почтение британскому флагу, развевавшемуся у нас за кормой. Черкесы не удосужились даже выставить смотрящего или одинокого встречающего. Тишина!

Все чувствовали себя неуютно. Догадывались, что с опушки на нас могли смотреть стволы винтовок. Я тоже начал напрягаться. Вспомнил, что местные все же видели британский флаг. Именно сюда больше двух лет назад пожаловал Дэвид Урквартс собственной персоной. И встретил куда более теплый прием. Но за прошедшее время многое сильно изменилось. Сожжены прибрежные аулы. Люди бежали в горы. Но кто-то же должен был остаться? В чем дело? Все было очень странно. Загадочно. И опасно!

Шлюпка ткнулась носом в мелкую гальку. Моряки соскочили в воду и подтянули ее повыше. Я спрыгнул вслед за ними, бросив Беллу на прощание:

— Без моей команды на берег не сходить!

Белл испуганно кивнул, шевеля губами и закатывая глаза. Матросы выглядели не лучше. Крепко сжимали в руках мушкеты и пики. Интересно, на что они рассчитывали? Что смогут отбиться от горцев, если те бросятся толпой?

Я спокойно зашагал в сторону леса. Смысл бояться? Стрелять никто не будет. Раба захватить – вот наилучшее решение для тех, кто в засаде.

Как и ожидал, не успел я добраться до опушки, из леса вылетела группа всадников и понеслась ко мне. Через пару ударов сердца я оказался окружен кольцом наездников. Они громко кричали и потрясали в воздухе допотопными мушкетами и луками. Явно, какая-то голытьба.

— Я Зелим-бей заговоренный! Урум! – закричал я в ответ на натухайском и показал пустые руки. Повторил по-турецки. – Где Инал Аслан-Гирей?

По моим расчетам, имя военного вождя сил Конфедерации под Анапой должно было охладить пыл воинов. Так и случилось. Ор тут же прекратился. Двое спешились и подошли ко мне.

— Откуда знаешь Инала? Он твой кунак?

— Я много кого знаю! И Аслан-Гирея, и его тестя Махмуда, и великих вождей! Я сражался в ущелье Бакан.

— Он наш! – заголосили все вокруг. – Он сражался против Красного генерала!

— Где ваш старейшина? – строго спросил я. – Я привез вам порох и соль.

— Зелим-бей привез нам порох! – снова заорали все вокруг и принялись палить в воздух.

«Этак вам пороха от англичан надолго не хватит!» – хмыкнул я про себя.

— Эти со мной! – махнул рукой в сторону шлюпки.

Часть всадников тут же сорвалась с места и полетела к берегу.

«Белл! Захватил с собой сменные штанишки?» – злорадно подумал я, представляя, как перепугался шотландец, когда сначала услышал пальбу, а потом в его сторону рванули черкесы. Громко рассмеялся. Больше всего на свете меня заводила сейчас мысль о том, что теперь горцы будут думать: порох и соль привез Зелим-бей, а англичане у него на посылках. Что бы потом ни втирал Белл старейшинам и вождям, слух уже пошел.

Мне подвели коня. Это должно было выглядеть круто для тех, кто был у шлюпки. Почему-то я сразу вспомнил реакцию англичан в Гедикпаша-Хамами, когда меня под руки два банщика повели в зал отдыха. Ха, напыщенный индюк с «Виксена»! Что теперь скажешь?!

— Лагерь в двух часах езды от берега, – пояснил мне один из той парочки, что первой начала со мной разговор. – Это всё русская крепость у входа в бухту! Высматривают, где мы устраиваемся. А потом приплывают корабли и стреляют картечью и ядрами.

— Кого встречу в лагере? Инал там?

— Нет! Инал уехал на совет вождей с Хаджуко Мансуром. Только старейшины остались.

— А его тесть? Махмуд Индар?

— Он там!

— Буду рад встретить старого знакомого! Хотя этот старый черкес даст сто очков любому молодому!

Натухаец захохотал.

— Ты и вправду знаешь Махмуда!

— Мне нужно предупредить моих спутников, что я отъеду.

Черкес сделал приглашающий жест рукой. Сомнений не осталось! Я был принят как свой, и никто не намеревался ограничивать мою свободу. Направил лошадь шагом к берегу. Торопиться мне не хотелось.

— Зелим-бей! – взмолился Белл. – Объясните, что происходит?

— Все хорошо! Опасности нет! Я отъеду в лагерь, а вы можете вернуться на корабль и начать погрузку пороха. Лука! Подай мне коробку с револьверами!

От моего наглого ответа шотландец впал в ступор. Не мог сообразить, как реагировать. Лишь хлопал глазами и шевелил губами – точь-в-точь как полчаса назад, когда я отходил от шлюпки. Лука, в отличие от хозяина, соображал быстрее. Он уже протягивал мой оружейный ящик.

— А что делать с солью? У меня ее много, – выдал Белл после короткой паузы.

Я чуть с коня не сверзился от его вопроса. По сути, отдал ему приказ, а он, вместо того чтобы сразиться за верховенство, интересуется судьбой соли? Боже, храни короля! Его подданные – законченные идиоты!

— Послушайте, Зелим-бей! Так дело не пойдет! – Белл сообразил, что его акции стремительно падают вниз и пора брать ситуацию в свои руки. – Мне нужно встретиться с вождями и передать им дары английской короны!

— Вожди отправились на военный совет. В ближайшем лагере остались лишь старейшины. Мне нужно получить от них разрешение на ваше прибытие. Так что вы спокойно занимайтесь разгрузкой, а я поеду на переговоры.

Я разложил шотландцу все по полочкам. Но он не был готов сдаться.

— Вы не можете вести переговоры от нашего имени! Поедем вместе!

— Видимо, вы плохо понимаете ситуацию, мистер Белл! – я не был настроен более шутить. – Я могу сейчас развернуться и отправиться по своим делам. Ради которых, собственно, и прибыл в Черкесию. И, вообще-то, рассчитывал оказаться за сотню километров отсюда. Поближе к Адлеру!

— Зачем вы кипятитесь?! Просто возьмите меня с собой.

— Исключено! – отрезал я и стал разворачивать коня.

— Но Спенсер… – жалобно протянул Белл.

— Что Спенсер?! – зло огрызнулся я, ускоряя бег коня.

— Мы согласны, согласны! – закричал Белл мне в спину.

… Временный лагерь черкесов мало отличался от того, в который мы прибыли со Спенсером в сентябре. Те же хижины и шалаши, возведённые на скорую руку. Та же сутолока с приезжающими и отъезжающими группами, отрядами и одиночками. Я не сильно выделялся в толпе, ибо еще в Трабзоне сменил щегольскую, но убитую в горах грузинскую черкеску с позументами на простую – охряного цвета. Для осеннего леса – самое то.

Но внешний вид имел куда меньшее значение в сравнении со встречей со старым Махмудом. Он узнал меня. Усадил рядом. Подробно расспросил про наши приключения после того, как я исполнил все нужные ритуалы при встрече со старшим. Поохал над рассказом о битве на перевале и о схватке с тушинами.

— Помотало тебя, урум, изрядно! А что твой инглез?

— Убрался к себе домой за моря!

— Скатертью дорога! – старик сердито сплюнул в костер. – Нехорошие вещи про него говорят. И люди из Темиргоя его искали.

— Все кончено! Он больше не вернется! Вместо него другие приехали.

— От них тоже надо ждать проблем?

— Как посмотреть… Впрочем, все равно решать не мне. У лошади голова большая – вот пусть она и думает!

Махмуд захохотал. Погрозил мне пальцем.

— Не стоит над вождями потешаться. Не то душа изо рта выскочит!

Он наклонился ко мне поближе. Поиграл седыми бровями. Тихо, почти шепотом, произнес:

— Смотрю, тебе не по нраву стали инглезы?

Я помолчал с полминуты. Наконец, решился:

— Я был свидетелем разговора князя Джамбулата Болотоко со Спенсером. Знаменитый военачальник спросил: что вы потеряли в наших горах? Зачем сеете раздор? Хотите на наших костях пировать? Через несколько дней после этого разговора Джамбулата убили.

Махмуд понимающе закачал головой. Оценил и мою откровенность, и прямой намек. Вздохнул тяжело. Далее последовало признание, которое ему далось нелегко:

— Мой зять, Аслан-Гирей поклялся сражаться с русскими, не щадя живота своего. Он повторил мне перед отъездом слова своего князя Мансура: «мы сожжем наши дома и все, что имеем, мы отрубим головы нашим женам и детям, отступим на самые высокие утесы и там будем сражаться до тех пор, пока не останется ни одной живой души». Он рассчитывает на помощь англичан.

— Выходит, жизнь твоей дочери, жены Инала, и твоих внуков ныне под угрозой?

— А какой у нас есть выход? – горестно ответил Махмуд. – Старики поехали к Красному генералу и просили, чтобы он ушел со своими солдатами. Прекратил разорять край, жечь наши аулы и убивать тех, кто не в силах уже сражаться и убежать. Знаешь, что он нам ответил? «Вам не победить Россию. Если небо упадет на землю, оно наткнется на миллион русских штыков!» Что же нам делать. Султан нас предал. Осталась последняя надежда. На короля, повелителя Индий.

Я не сомневался, что Вельяминов именно так и ответил. У него хорошие советчики. Можно сказать, знатоки психологической войны. Горцы любят витиеватые речи и сложные аллегории. И прямоту ценят не меньше храбрости.

— С чего вы все решили, что англичане сильны? Оттого, что вам Сефер-бей об этом сказал? Не его ли выгнали из Стамбула и отправили в Адрианополь по первому слову русского посла? – решил зайти с козырей.

Старик хмыкнул. Он явно не любил адрианопольского сидельца и бывшего местного владетеля. Возможно, на его отношении к анапскому князю повлияли старые обиды и хозяйственные споры. Должны же были кому-то достаться земли и люди Сефер-бея, когда он сбежал в Турцию?

— Много сладких слов прилетает к нам с берегов Босфора! Но посулами и обещаниями не защитить наших детей и внуков! – зло зашипел Махмуд.

— Мудрость твоя ласкает мне уши, почтенный тамада! Ты прав: не все так радужно, как вешает Сефер-бей! И вы скоро в этом убедитесь!

— О чем ты, урум? – Махмуд смотрел мне прямо в глаза, не мигая.

— О том, что не стоит верить всем словам англичан, не говоря уже о Сефер-бее! Скоро вам представится случай в этом убедиться. Английский корабль нарушил блокаду. Как поступят русские, когда обнаружат его в Цемесе?

— Неужели они посмеют сжечь английское судно, как поступают с турками? – изумился Махмуд.

Все! Ловушка захлопнулась! Если мне не удастся предотвратить арест шхуны, в любом случае я посею у горцев зерно сомнения в могуществе англичан. Что же это за повелители морей, скажут они, если русские могут захватывать их корабли?

— Ждать долго не придется, наимудрейший.

Махмуд задумался. К нему подбежал молодой черкес и что-то горячо зашептал на ухо.

— Мы не можем не принять инглеза! Меня осудит и князь, и мой зять. Здесь, в лагере, нет подходящих условий. Неподалеку от места вашей высадки, в глубоком ущелье, сохранился маленький аул. Там есть кунацкая. Убогая, но какая есть! Другой не сыщем. Отправимся туда. Подготовим прием. Утром инглеза со спутниками доставят на переговоры. Мы переночуем в ауле.

… Кунацкая и впрямь была неказиста. Пустое, темное холодное помещение, продуваемое всеми ветрами. Ни традиционных столиков для еды, ни ковров, ни подушек. На земляной

пол бросили лошадиные попоны и седла. Оружие развесили на стенах. Собрали немудреную закуску. Было видно, что Махмуду не по сердцу так принимать гостей.

Белла с Лукой привезли к полудню. Он злобно таращился на меня, будто винил в краже медальона с портретом любимой бабушки. Но сдержался. Претензий не высказывал. Наоборот, изобразил радость от встречи. И старикам, которые собрались его послушать, выказал свое почтение. Передал им подарки – бумажную материю и охотничье ружье.

Зря он это сделал. На всех подарков не хватило. Старейшины потратили немало времени, чтобы решить, что кому достанется. Кое-кто остался обделенным и теперь изображал обиду. Я не вмешивался. Как по мне, чем больше ошибок совершит шотландец, тем меньшего результата достигнет. Я ему в няньки не нанимался.

— Я привёз вам, достопочтенные вожди шапсугского и натухайского народов, послание от Сефер-бея Зана! – мы переглянулись с Махмудом и, не сговариваясь, хмыкнули. Белл, не обращая на нас внимание, продолжил вещать по-турецки. – Ваш посланник от подножия трона повелителя Турции передает вам следующие слова: изберите из главнейших восьми поколений по одному старейшине, которые имели бы полное доверие народа, чтобы старейшины эти поселились в Цемесской долине для будущих переговоров, куда прибудет Сефер-бей с английской экспедицией в следующем году.

Старики зашептались между собой, время от времени повышая голос. Прения длились недолго. Махмуд встал и ответил Беллу:

— Через два месяца мы соберем на реке Адагум народное собрание. Там все и решим! Когда нам ждать ваше посольство?

— Полагаю, весной, – задумчиво ответил Белл.

Его явно напрягало отсутствие единого центра принятия решений. Военная демократия – институт сложный. В долгих разговорах может не один снег с гор сойти, пока до чего-нибудь договорятся.

— Вам бы стоило чем-то подкрепить свои слова. Чем-то весомым, – подсказал я.

— Я же доставил им порох и соль!

— Он привез соль, чтобы вы сражались с русскими! – перевел я слова Белла на натухайский.

Ответом стал взрыв хохота. Шотландец недоуменно переводил взгляд с одного старейшины на другого. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: чушь сморозил! Солью еще никого не убили. Разве что задницы у парнишек в колхозных садах пострадали, да и то в другое время.

— Что же я могу им еще предложить, чтобы доказать серьезность наших намерений?! – печально спросил у меня Белл.

— Отдайте им корабельные пушки!

Я был уверен, что Белл ни в жизнь не догадается, в чем был подвох моего предложения. Пушек у черкесов хватало. Натаскали с погибших кораблей. Они валялись без дела во дворах знатных узденей, ибо никто не умел из них стрелять. Я рассчитывал ослабить возможное сопротивление англичан, если русские все же приплывут. Только войнушки мне не хватало в Цемесской бухте!

— Вы думаете?! – загорелся Белл. – Достопочтеннейшие старейшины! Хочу предложить вам в дар две трехфунтовые пушки с моего судна!

Старейшины возбужденно принялись обсуждать предложение Белла. Включили синдром Плюшкина. Если бы им кто-нибудь подсказал, что чугунные пушки весят три центнера и установлены на корабельные лафеты, их энтузиазм быстро бы угас. Но я промолчал.

— Мы принимаем ваш подарок, уважаемый купец!

Было решено немедленно отправиться в бухту и произвести выгрузку орудий. Порох в количестве девяти бочонков по четыре пуда в каждом был уже на берегу.

Из-за этого пороха вышла у нас с Беллом размолвка, как только мы остались одни. Ехали бок о бок за проводником-черкесом. Обменивались колкостями, особо в выражениях не стесняясь.

— По какому праву вы присвоили себе все лавры поставщика боеприпасов? – негодовал Белл. – Мне Лука все рассказал! Он пообщался с теми из черкесов, кто говорит по-турецки, и выяснил: вы заявили, что порох принадлежит вам.

— Глупости болтает ваш слуга! Я обрадовал адыгов известием, что английский корабль привез им порох. В чем я погрешил против истины?

— Я должен был сообщить об этом. Я, а не вы!

— Вот тут я не понял! Это ваш личный порох, мистер купец, или купленный на деньги посольства?

Крыть тут шотландцу было нечем. Поэтому он попытался вывернуть ситуацию в свою пользу в другом.

— Вы могли хотя бы поспособствовать мне в переговорах относительно соли, а не устраивать шоу в кунацкой, – сердито ответил мне Белл. И не удержался от новой шпильки – Не могу не высказать своей признательности, что не уехали, бросив нас одних. Признаюсь, такие мысли меня посещали.

— Как я понимаю, эта сотня тонн соли из трюма – ваш личный бизнес?

— Разумеется! А что вас смущает? Вполне прибыльное дело, как меня уверяли. Я воспользовался оказией… Нам нужно поспешать с разгрузкой этой чертовой соли, пока не нагрянули русские.

— Вы спрашиваете, что меня смущает? Меня не смущает, а бесит ваша манера указывать мне, что делать. И что говорить. И с кем. И так далее…

Высказав все, что было на душе, я ускорил одолженного мне коня. Белл за мной не поспевал. Он никак не мог привыкнуть к легкому и высокому черкесскому седлу с его деревянными полированными луками с закругленным верхом и к узким стременам-стаканчикам. Удобное для ведения конного боя, это седло с непривычки доставляло множество неприятностей европейцам.

До берега я добрался первым. Шлюпки готовились к отплытию на корабль. В них только что загрузили бочки с пресной водой. Но не это привлекло мое внимание, стоило мне добраться до кромки воды. В дали, подернутой сеткой мелкого дождя, у самого входа в бухту завершал маневр военный корабль. Старый знакомый. Бриг «Аякс». Он занимался постановкой якоря прямо напротив Александрийского укрепления. Операция «Провокация «Лисицы» вступила в заключительную фазу.

Глава 4. В цепях.

От Геленджика до Суджук-Кале не более тридцати километров. Где носило два дня русских моряков? Им помешала непогода? Или русское командование никак не могло решить, что делать с контрабандистом под британским флагом? Зачем кораблю вставать на якорь у входа в бухту, если нарушитель виден невооруженным взглядом? Разумнее было бы сразу двигаться в глубь бухты и приступать к досмотру. Вместо этого, бриг занял такую позицию, при которой ничто не мешало «Виксену» устремиться в море, имея попутный ветер.

— Дождались? – спросил я Белла, наконец-то добравшегося до берега. – Вам не кажется, что бриг точно приглашает капитана Чайлдса: давай, путь свободен! Можешь улепётывать!

— Никто бежать не собирается! Все идёт согласно плану.

Белл был настолько уверен в себе, что сомнений не осталось: он хочет, чтобы шхуну задержали. Вместо того чтобы срочно усаживаться в шлюпки, он приказал отвезти на них воду на шхуну, загрузить на одну две пушки и доставить их на берег. Другую шлюпку оставить на всякий случай в распоряжении капитана.

— Не допускаете мысли, что русские не решатся на активные действия? – спросил я с затаенной надеждой, что все рассосётся само собой.

Да! Будет урон репутации русского флота из-за прорыва блокады. На тридцать шесть пудов пороха – не великая цена за избежание вооруженного конфликта между двумя главными державами мира.

— Все куда проще, Зелим-бей! Встречный ветер! Этот растяпа, капитан русского брига, мечтает о призовых деньгах, но не решается на маневр в столь широкой бухте, как Цемес! – Белл презрительно сплюнул. – Профессионализм русского экипажа оставляет желать лучшего. Это говорю вам я – тот, кто избороздил немало морей.

— И что будем делать? Ждать, пока переменится ветер и бриг сможет к нам подойти?

— Получается – так!

— Ерунда какая-то получается! – в сердцах выругался я.

Ситуация при всем ее трагизме выглядела как дешевая оперетка. Один участник, русский капитан, желал захватить приз, другой, напыщенный англичанин – попасть к нему в плен. При полном непротивлении сторон все висело на тоненькой ниточке и нынче зависело от направления ветра – даже судьба Черноморья! Возможно, судьба всего мира!

Как и сказал Белл, и как гласит народная мудрость, нам оставалось лишь ждать у моря погоды. И это ожидание затягивалось. Ветер с лысых гор то крепчал, то слегка стихал. В бухте волны кипели все сильнее, подобно котлу с водой на плите. С той лишь разницей, что роль огня играла капризная бора. Она не набрала полной силы, но из-за нее прибытие брига все откладывалось и откладывалось. Быть может, прав был капитан «Аякса», решивший переждать шторм.

Шлюпка с «Виксена» успела доставить пушки до того, как море разошлось не на шутку. Моряки и черкесы барахтались по колено в приливной волне. Пытались оттащить подальше к лесу снятые с лафетов стволы, проклиная на все лады щедрость английского негоцианта. Получалось у них не ахти.

Мы молча наблюдали за их потугами, то и дело бросая взгляд в сторону моря и кораблей. Их разделяли несколько миль.

… К полудню следующего дня волнение на море улеглось, и бриг начал лавировку, чтобы достичь дальнего берега бухты. Сблизившись с «Виксеном», «Аякс» произвел пушечный выстрел и подал ряд сигналов. Британский флаг на гроте не остановил русских моряков.

— Требует к себе на борт капитана шхуны с судовыми документами, – прокомментировал Белл. – Следом вызовут меня как владельца груза.

Его слегка потряхивало. Не от страха. От предвкушения! Все декорации расставлены. Ваш выход, сэр. Судьба мира в ваших руках!

Я был взволнован не менее шотландца. Если задача Белла в том, чтобы нарушить мировое равновесие, то моя – его спасти. Прочь сомнения и колебания! Настал звёздный час Косты Оливийского!

Я шел к нему тяжёлым путем, теряя куски плоти, кровь и веру в людей. Внедрился к англичанам, чтобы противодействовать их планам. Сложно придумать более серьезный повод раскрыть себя как двойного агента. Надеюсь, ни Фонтон, ни де Витт меня не осудят.

— Я поеду с вами на бриг, – максимально безразличным тоном сказал я Беллу.

— Зачем? – удивился шотландец. В его глазах я снова выглядел болваном, сующим нос куда не просят вместо того, чтобы драпать в свою Грузию.

— Не могу же я пропустить такое историческое событие!

При всем желании актер из меня посредственный. Я так и не смог скрыть нотку сарказма. Поэтому добавил:

— Вам понадобится переводчик. Вы не знаете русского.

— Предполагаю, морские офицеры должны свободно говорить на английском. Впрочем, черт с вами! Поедем вместе. Мне пригодятся свидетели.

Именно это обстоятельство сыграло решающую роль.

Шкипер шхуны побывал на борту «Аякса». Далее последовал вызов шиппера. Когда мы погрузились в шлюпку и поплыли к бригу, подпрыгивая на волнах, Белл признался:

— Все хорошенько запоминайте! Позже нам придется не раз давать интервью английским журналистам. Один из них, мистер Лонгворт из «Морнинг Кроникл», должен был присоединиться к нам. Но не успел добраться до Трапезонда до нашего отплытия. Пропустил репортаж всей жизни! Так что готовьтесь! Газетчики вытрясут из вас всю душу.

Отвечать я не стал. Сидел на банке, как натянутая струна, прижимая к груди ящик с револьверами. Каждый взмах весел приближал роковую минуту.

… На палубе брига, куда мы из-за качки забрались с превеликим трудом, было напряженно. Русские морские офицеры не спускали рук с эфесов абордажных палашей. Матросы, вооруженные тесаками и знакомыми мне не понаслышке переделочными пистолетами, смотрели волками, готовыми по первой команде броситься на злостных контрабандистов.

— Мы прибыли на этот берег открыто и не маскируясь! – попытался разрядить обстановку Белл, слегка растерявший свой апломб, но с ходу вступивший в словесную баталию. – И под британским флагом!

— Я – капитан-лейтенант Вульф, командир военного брига «Аякс», – отчеканил высокий офицер, глядя поверх наших голов. – С кем имею честь?

— Грузовладелец Джеймс Станислав Белл, к вашим услугам!

При более приятных обстоятельствах капитан снял бы фуражку и раскланялся, как было заведено на флоте. Но сейчас он лишь приложил руку к козырьку.

— Мистер Бель! – процедил сквозь зубы взволнованный Вульф, обозвав шотландца на французский манер. – Вы нарушили карантинно-таможенные правила Российской Империи! Ваш корабль будет задержан и доставлен в ближайший порт для разбирательства!

— Британия не признает русской блокады черноморского побережья Кавказа!

— Вы вступили в предосудительные отношения с подданными Империи, пребывающими в состоянии вооруженного мятежа!

— Обращаю ваше внимание, капитан, что наш визит предпринят по всем правилам морских законов, с уважением общих правил торговли и правил регистрации судов. Vixen of London находится под защитой юридических норм. Наши контакты с туземцами их не нарушили…

Капитан побледнел и стиснул кулаки. Вульфа можно было понять. Он оказался в крайне щепетильном положении. С одной стороны, морской устав предписывал ему принять все меры к задержанию нарушителя. С другой, английский корабль – не турецкая кочерма, которую можно захватывать или потопить без жалости и оглядки. И британский флаг – не простая тряпка, которую допустимо не замечать. И в мире действовали законы, регулирующие морские перевозки и морскую торговлю. Не капитану, а юристам решать, имело ли место нарушение.

— «Стремясь, достигаю»! Вот родовой девиз моей семьи, мистер Бель! Я вынужден настаивать на откомандировании шхуны в порт Геленджик. Вашу дальнейшую судьбу решит контр-адмирал Эсмонт, командующий Абхазским отрядом!

Просто «праздник» какой-то! Вульф придумал поступить, как на его месте сделал бы любой вояка. Решил переложить решение проблемы на плечи вышестоящего начальства. Я не мог этого допустить! Арест или задержание «Виксена» – это именно то, чего добивался Белл.

— Господин капитан! – громко крикнул я по-русски. – Вы совершаете ошибку! Англичане затеяли провокацию и…

— Ты кто такой?! – заревел Вульф, прерывая меня. – Взять его!

Боже, это я, а не капитан совершил ошибку! Дал повод командиру «Аякса» выпустить пар из перегретого котла с адской смесью из его гнева и растерянности!

На меня накинулись матросы и повалили на палубу. Я не оказывал сопротивления. Меня вздернули на ноги. Нахлобучили сбитую с головы папаху. Любую попытку хоть что-то сказать прерывали ударом под ребра. Через минуту я мог лишь судорожно хватать ртом воздух.

— В цепи негодяя! – разошелся не на шутку Вульф, не давая мне и слова вставить в свою защиту. – Уверен, он – из немирных черкесов! Мятежник! В трюм его!

— Вы совершаете ошибку! – повторил мою роковую фразу Белл. Он растерялся, не ожидая столь резких движений от русских моряков. Поэтому стал невпопад выкрикивать. – Это мой лоцман! Мой переводчик!

— Рот захлопни! – прервал его Вульф. – На моем корабле черкесу место лишь в карцере! Пакуйте его, ребята! Что в его коробке, мичман?

— Пистолеты, господин капитан! – удивленно воскликнул обер-офицер, склонившийся над моим распахнутым ящиком для револьверов.

— Вот ведь, шельма! Убить нас вздумал!

Меня снова повалили на палубу. Прибежал боцман с цепями. На меня стали надевать железо. Когда стальные браслеты закрепили на кистях, меня потащили вниз. Последним, что я услышал, был приговор Вульфа Беллу:

— Шхуна задержана! Вы, мистер Бель, останетесь на борту «Аякса» как заложник, дабы капитан Чайлдс проявлял послушание и непротивление моим указаниям! Отправить на шхуну призовую команду!

Меня притащили в темный затхлый закуток. Сорвали с меня кинжал, вытащили ножик для разделки мяса, охлопали, проверяя на предмет другого оружия. Мой счастливый пояс с монетами пропустили. Перекинули цепь через толстый вертикальный брус. Закрыли ее на замок и оставили меня одного. Длины цепи хватило лишь на то, чтобы я, полуобняв стойку, к которой меня приковали, смог опуститься на настил и вытянуть ноги.

Под этим настилом плескалась льяльная вонючая вода. В темноте шуршали крысы. Но пережитое потрясение и общая усталость сделали свое дело. Я закрыл глаза и отрубился.

Спал крепко. Меня разбудила не усилившаяся качка (бриг явно вышел в открытое море), а тусклый свет, громкий смех и тупые шутки матросов. Они явились в трюм полюбоваться на пленника. Нашли себе забаву после полуденной чарки и сытного обеда.

Особенно выделялся один, без форменной куртки, лишь во фланелевой рубахе с открытым воротом, под которой бугрились мощные бицепсы. Он презрительно бросил мне в лицо, выговаривая слова с характерным эстонским акцентом:

— Что смотришь, обезьяна?! На цепи тебе самое место!

Мне бы смолчать, но я не утерпел:

— Обезьяной была твоя финская бабушка!

Матрос тут же сильно ударил меня по лицу, разбив губы и заставив зубы заныть. Рот наполнился кровью. Я сплюнул кровавой юшкой под ноги морякам.

— Гля! Черкес по-нашему разговаривает!

— Не только разговариваю, гады! И по матушке отправлю на кудыкину гору!

Я выдал подобие малого боцманского загиба, присовокупив пикантное место для доставки якоря на тело ударившего меня матроса. Он снова замахнулся. Но его придержали остальные.

— Остынь, горячий чухонец! Не по-людски бить сидячего. Посадят тебя снова в железо!

Моряки посмеялись, еще чуть-чуть беззлобно поглумились и ушли, забрав с собой слабый источник света в виде фонаря.

«Самое время – пораскинуть мозгами, пофилософствовать. Впрочем, про мозги это я погорячился. Судя по всему, их у меня нет. Иначе невозможно объяснить мои действия. Хотя, тоже нет. Возможно. Я же мнил себя Костой Оливийским! Опять ножками сучил в предвкушении, что своей славой и поступками переплюну Лоуренса Аравийского! Внесу, так сказать, свой «скромный вклад» в дело спасения Империи. Утру нос английскому пэру-сэру-лорду! Поставлю на место зарвавшегося хама – весь Туманный Альбион! Потому что: «Я не Спиноза какой-нибудь, чтобы ногами выделывать разные кренделя! Я человек положительный и с характером!» Я с самим Палмерстоном – на короткой ноге! Письмецо ему надысь чирканул! С мыслями великими! Уж он-то его на всю Англию зачитает! Уж там-то все вздрогнут от моей прозорливости и большого ума. Прям, прослезятся, что нет людей моего масштаба в их дождливом Отечестве!

Не, не, не. Отныне имя мне не Коста Оливийский. Максимум на что могу претендовать, так это на звание: «Танцор диско»! «Джимми, Джимми! Ачжа, Ачжа!» Ну, да! В танцах-то мне нет равных! Сейчас созову всех матросов. Научу их «Яблочко» танцевать! Хоть какая-то польза! Господи, как же стыдно!»

Тут я не удержался. Издал протяжный вой, так мне было сейчас паскудно на душе из-за собственной глупости.

«Я-то куда полез?! Когда уже ты научишься прежде думать, а уж потом отчебучить что-то эдакое! Кем ты себя возомнил? Твой номер – шестой! Сиди – не рыпайся! А рыпнулся и по итогу – что? Сидишь на цепи, как медведь у цыган! Вершитель судеб хренов!»

Зная себя, понимал, что еще долго могу так себя истязать. В прошлой жизни – неделями. Но теперь, стоит признаться, новая жизнь – пообтесала. Из куска бесформенного мрамора все-таки отколола много лишнего, ненужного. Порой на мою статую без слёз не взглянешь. Еще много работы молотком и зубилом предстоит, чтобы получилась приемлемая фигура. Которую можно будет выставить. Нет, не в галерее Уффици рядом с Давидом. Но хотя бы у фонтана в городском сквере. Поэтому перестал себя клеймить.

«Сделанного – не воротишь! Фарш невозможно провернуть назад! Так что, хорош! Стопе! Давай думать, как выбираться из этого дерьма, – успокоил дыхание, начал раскладывать все по полочкам. – Раз раскрыть себя как двойного агента не вышло, нужно дальше сохранять мою роль в тайне. Сейчас не стоит трубить направо и налево: «братишки, я свой!» Все одно – не поверят. Еще и очередная зуботычина прилетит! Но кого выбрать в конфиденты? Здесь? Матросы мне не помощники. Даже если и поверят, максимум – проявят сочувствие. А мне сочувствия сейчас не нужно. И не заслужил, и не до него. Вульф? Вульф, очевидно, медный лоб и перестраховщик. Его не прошибёшь. Его кредо – моя хата с краю. Но! Но через него вполне может получиться встретиться с вышестоящим начальством. И не вполне, а точно! Он со мной разбираться не будет. Испугается снова напортачить. А потому постарается побыстрее

меня сбагрить кому-нибудь позначительнее. Он же как рассуждает? Нет человека – нет проблемы! Пусть у начальства голова болит! Ну, да. Ну, да! Как он там сказал? Контр-адмирал Эсмонт? Вот и выход! Решено: буду добиваться в Геленджике встречи с контр-адмиралом!»

Я остался доволен мозговым штурмом. Даже улыбнулся. Но тут старые привычки вновь взяли вверх. Опять внутри поднималась волна самобичевания.

«Ну это же надо – так вляпаться!..».

И еще неизвестно, как долго я терзал бы себя. К счастью, появление матроса с тарелкой каши и кружкой с водой прервало этот балаган.

Служивый злобствовать не стал. Помог мне устроиться поудобнее. Дал напиться. И даже подержал тарелку, пока я, лязгая цепью, кидал в рот ложку за ложкой.

— Ты всамделишный черкес? – полюбопытствовал матрос.

— Грек, – ответил я, немного поколебавшись.

— Выходит, ты и вправду толмач?

Я сказал одну фразу на пяти языках. Моряк только глазами похлопал.

— Похоже, погорячились с тобой. Ты не держи зла на нашего Старика. Он весь как на шарнирах. Сначала два дня не могли за вами угнаться. Теперь будем у входа в порт Геленджика болтаться, пока ветер попутный не поймаем.

— А шхуна?

— Ее гребным судном в бухту затащат. А нам такое – позор!

— А два дня идти тридцать километров от Геленджика до Сухум-Кальской бухты – нормально?

— Говорю же, капитан на взводе, бесится, ждет нахлобучки от контр-адмирала. Весь извелся. Еще этот англичанин всю кровь выпил. Судом грозится. Прессом каким-то.

— Может, прессой? Газетами?

— От оно как! А мы все гадаем: что за пресс такой страшный.

— Тут уж нечего поделать! Скандал будет изрядный. Да и вы себя показали не с лучшей стороны.

— Тут не поспоришь. Старик недавно с нами. «Аякс» – посудина не из лучших. К нему приноровиться нужно. Одни прямые паруса. Только грота-гаф-трисель косой.

— Ты про гафельный парус на гроте?

— Разбираешься?

— Есть немножко. Правда, я больше на пароходах ходил.

Тут я решил язык прикусить. Лишнего уже много наболтал. Впрочем, уверен, что матрос доложит офицерам всё, что я сказал. Те – капитану. А уж он-то должен сообразить, что перестарался с моим арестом.

Я рассчитал все верно. На следующий день, не успели матросы разговеться на шканцах, Вульф спустился ко мне. С минуту меня разглядывал, не решаясь начать разговор.

— Вы не вписаны в судовую роль «Виксена», – сказал вдруг тоном, который можно было бы признать за извинительный с очень большой натяжкой.

— Снимите с меня папаху. Там за подкладкой найдете документы, которые все разъяснят.

— Скажите так. Я уже понял, что вы не тот, за кого себя выдаете.

— Там русский паспорт и обращение ко всем русским начальствующим офицерам оказывать мне содействие.

— Вот же меня угораздило! Все ж я, пожалуй, посмотрю.

Он снял с меня папаху. Нащупал под подкладкой вставку из гибкой кожи. Вытащил перочинный ножичек, но вспарывать не стал. Понял по моему уверенному тону, что не вру.

— Кто дал вам эти бумаги?

— Феликс Петрович Фонтон из посольства в Константинополе. Обо мне знают только де Витт в Крыму, а также Вельяминов и Засс – в Кавказском Отдельном корпусе.

Вульф нервно сглотнул. Морякам не привыкать иметь дело с лазутчиками. Сколько их было тайно перевезено в укромные бухты по приказу контр-адмирала!

— Я немедленно распоряжусь снять с вас цепи!

— Не спешите! Белл на корабле?

— Куда же он денется? Конечно, здесь. А! Я догадался! Вы не хотите себя раскрывать перед англичанином!

— Вообще-то, он шотландец. Но вы все поняли правильно. Есть ли возможность все отыграть назад и отпустить «Виксен»?

— Это уже невозможно. Шхуну отбуксировали на веслах в порт. Решение по ней будет принимать мой начальник. Но что здесь не так? Что я сделал неправильно?! – задохнулся он от тревоги.

Было видно, что капитан-лейтенант не на шутку перепугался. У него с самого начала с «Лисицей» все шло сикось-накось. Теперь же, когда замаячили призовые выплаты, мои слова вышибли из него дух. Он уже понял, что вместо денег может заработать приличный геморрой, вплоть до нехилой баррикады на карьерной лестнице.

— Вы попали в сети, которые расставили англичане, – объяснил ему, чтобы не мучился неизвестностью. – Но любой на вашем месте вляпался бы точно также.

Я изрядно покривил душой. Если бы он меня спокойно выслушал, все могло бы пойти иначе. Вульф это понял сразу и посмотрел на меня с благодарностью. Для него моя позиция теперь могла иметь первостепенное значение. «Ключевой свидетель!» – мне оставалось лишь горько насмехаться над своим уникальным положением. Что для Вульфа, что для Белла мое слово могло стать решающим.

— Чем я могу облегчить ваше положение? – спросил капитан, вытирая пот со лба. В трюме было душно и влажно.

— Как-нибудь перетерплю, – вздохнул я в ответ.

— Ваше ожидание может затянуться надолго.

— ?

— Мы не можем при таком ветре зайти в бухту. Возможно, придется проболтаться в море день-другой. Я распоряжусь, чтобы вам принесли подстилку, фонарь и отстегнули цепь от пиллерса.

— Думаю, пока этого будет достаточно. Не забудьте вернуть мне мои револьверы!

— Они такие красавцы! – вздохнул Вульф. Стало понятно, что он мысленно пристроил мою «прелесть» в своих карманах. – Может, продадите?

Я отрицательно покачал головой.

Он печально махнул рукой на прощание и удалился, громко топая по трюмному настилу. Я остался в трюме, посаженным, как говорят на флоте, в железо и томящимся в ожидании непростой встречи с контр-адмиралом Эсмонтом.

Глава 5. Курс – на Севастополь!

Николай Павлович Вульф, к моему великому сожалению, оказался чертовым пророком. Мы смогли проникнуть в бухту только через два дня. Белла немедленно отправили на «Виксен» в общество разобиженного капитана Чайлдса. По всему выходило, что шкипер был не в курсе затеи его нанимателей. Иначе он не стал бы так яростно протестовать против транспортировки шхуны в Геленджик. Этой парочке придется еще долго выяснять отношения, если мне не удастся убедить контр-адмирала отправить ее вместе с “Лисицей” восвояси.

Он держал свой флаг на 44-пушечном фрегате «Анна». Меня доставили к нему тайком от всех, как только стемнело. Цепи, конечно, сняли и дали возможность привести себя в порядок. Даже кинжал вернули. Так что пред ясные контр-адмиральские очи я предстал в виде, за который краснеть не пришлось.

— Экий ты бравый черкес! – приветствовал меня сидевший за столом за горой бумаг офицер в расстёгнутом мундире с золотыми эполетами и шитьем. – Давай, голубчик, не тушуйся. Расскажи старику, чем ты так моего капитан-лейтенанта в смятение ввел. Обращайся ко мне по-простому, по имени-отчеству. Самуилом Александровичем прозываюсь. Ты человек не военный. Тебе можно.

У меня бы язык не повернулся назвать стариком 56-летнего бравого моряка. И юлить с ним не стоило. Он таких умников, как я, на завтрак ел и молоком запивал. Поэтому рассказал все, как есть, по фонтоновской схеме «а вот тут поподробнее».

Контр-адмирал задумался. Постукивая ногтем по краю чайного блюдца, он прикидывал все последствия инцидента в свете полученной от меня информации. Почему-то в ужас она его не привела. Напротив, в некотором роде обрадовала.

— Как к тебе обращаться?

— По паспорту я Константин Спиридонович. Но привычнее – Коста.

— Значит, грек! – констатировал Эсмонт. – Походил я не так давно по вашим островам. Пиратов жег. Сам-то не из ихней братии?

— Никак нет…

— По-простому, голуба моя, по-простому.

— Нет, Самуил Александрович!

— Немного разбираешься в морском деле, нет?

— Совсем немного, увы. А по легенде должен все знать.

— Ну, чтобы все знать, надо школу мореходную заканчивать. Вон, Николай Павлович, – он кивнул на Вульфа, – Черноморскую штурманскую заканчивал. Я прав, капитан-лейтенант?

— Так точно, Ваше Превосходительство! – громко откликнулся командир «Аякса», стоявший навытяжку рядом со мной. Почему-то думается мне, что учился он на одни «тройки».

— Значит, морской науке ты, Коста, не учен. Зато, лазутчик из тебя знатный вышел, да? – Эсмонт наклонился немного вперед и приставил к уху ладонь в ожидании моего ответа.

— Не могу того ведать. Об этом моих начальников надо спрашивать.

— До них далековато будет. А мне вот прямо сейчас надобно понять, что с тобой делать.

Я удивился. Что значит, что со мной делать?

— А ты, грек, не удивляйся. Вопрос непраздный. Напужал ты моего капитана, только я не из таковских. Не из пугливых. Что страшного в поимке «Виксена»? Обычное на море дело.

— Так ведь англичане того и хотели!

— И что с того? Считай, подарили нам шхуну! – контр-адмирал зашелся дребезжащих неприятным смехом. – Войной нас вздумают пугать? Этот Бель тут, у меня в каюте, распинался: «задета честь британского флага»! Велика же честь в шести тысячах пудов соли!

Он снова засмеялся, на глазах превратившись из строго начальника в доброго дедушку.

— Вот ты говоришь: война будет. Так мы к войне всю жизнь и готовимся. Нас войной не напугать! Война офицера кормит! Впрочем, будет она или нет – то не нашего ума дело! Как Государь Император скажет, так оно и выйдет. Решит с англичанами воевать – будем воевать! А пока мы все по инструкции исполнили! Есть нарушение блокады? Задержать! Груз и судно конфисковать! Правильно я говорю, Николай Павлович?

Вульф энергично закивал головой, сообразив, что ответа от него не требуется.

— Разумею я это дело так! Коль есть в нем политический интерес, коль имеются дружественные отношения между Великобританией и Россией, правильнее будет шхуну в Севастополь отправить. Пусть адмирал Лазарев, наш командир, решает, что да как. Так постановила созванная мною комиссия, ознакомившись с показаниями купца Беля, а также капитанов Вульфа и Чайлдса.

Вот так номер! И контр-адмирал туда же! Раз дело пахнет керосином, хоть он и утверждает обратное, лучше от греха перестраховаться да спихнуть подальше проблему по инстанциям. Еще и комиссией свое решение прикрыл. Ну, просто классика жанра!

— Приказываю! – возвысил голос контр-адмирал, мигом обернувшись прежним большим начальником. – Бригу «Аякс» сопроводить шхуну «Виксен» в порт крепости Севастополь! Судно не считать арестованным, командование над ним шкипера Чайлдса сохранить до решения дела в суде. Купца Беля вернуть на «Аякс» как гаранта лояльности английской команды.

Вульф тяжело вздохнул. Эта шхуна, будь она неладна, прицепилась к нему, как морская уточка к медной обшивке.

— Отставить вздохи, капитан-лейтенант! За призовыми деньгами поплывешь!

Вульф тут же взбодрился и разулыбался. Засверкал, как новенький полуимериал. Вот что приз благодатный с моряками делает!

Я же пригорюнился. Нет, я понимал, что контр-адмиралу виднее в вопросах большой политики. И, возможно, я излишне драматизировал ситуацию, посчитав неизбежной войну с Британией. В конце концов, есть дипломаты, чтобы разруливать такие инциденты. И уж точно мне не почину давать советы морскому генералу, прошедшему не одну битву не только на поле боя, но и за столом переговоров. Собственно, печалило меня одно – моя собственная жизнь. Что теперь будет с моими планами насчет Тамары?

— Позвольте вопрос, Самуил Александрович? – я чуть не поднял руку, как школьник за партой.

Контр-адмирал милостиво кивнул.

— Что со мной будет?

Эсмонт рассмеялся так, как будто я чушь сморозил, не подумав. На самом деле именно так он отнесся к моим словам.

—Вот за что я не люблю шпаков, так это за вашу неразбериху в голове. От чего такие вопросы? Тебе что твой начальник Фонтон приказал? Шхуну сопровождать?

— Да, но…

— Никаких не может быть «но»! Приказано – исполняй!

— Была договоренность до Черкесии! – упорствовал я.

— И что ж? Выйдешь за ворота геленджикской крепости и потопаешь по своей надобности? – снова рассмеялся контр-адмирал. Он был явно легок на смех.

— Именно так! А если до Адлера или до Сухум-Кале морем подкинете каботажником, вообще было бы замечательно!

Контр-адмирала словно подбросило из стула. Он подскочил ко мне и тихо, боясь напугать и сбить с ответа, спросил:

— Неужто на мысе Адлер был?

— Я, Самуил Александрович, вместе с одним англичанином осенью пол Черкесии объездил. И у Гассан-бея гостил несколько дней. А мыс на пузе прополз.

Эсмонт отскочил от меня и неверяще покачал головой.

— Нет, ты слышал, Николай Павлович? Слышал?! Мы тут гадаем, как нам операцию десантную спланировать. Мучаем Засса и Вельяминова запросами, требуя описания береговой полосы. И тут, словно с неба… Нет, из пучины морской выплывает к нам чудо-юдо и говорит: чего тебе надобно, старче? А надобно мне, голуба моя, чтоб ты тотчас же в компании капитан-лейтенанта уединился с моими штаб-офицерами. Уж они-то всю душу из тебя вытрясут, пока карты и диспозицию адлерскую не составят.

— Карты картами, а со мной что же будет?

— С тобой? Путь далек тебе лежит, Коста! Поплывешь в Севастополь!

— Да на что мне в Севастополь?! Меня в Грузии ждут! – возопил я, не стесняясь контр-адмиральской каюты, где голос дозволено повышать лишь одному человеку – ее хозяину.

— Никак не могу тебя отпустить, голубь ты мой сизокрылый! Кто за англичанами там присмотрит, как не ты? С меня потом адмирал Лазарев стружку снимет: мол, как посмел отпустить нужного человека?

Я сник. Ох, Тамара-Тамара! Я хотел! Я рвался! Но как пробить эти медные лбы?!

— Ну, что ты голову повесил? Велика беда! За месяц-другой обернешься. Дождешься решения адмирала – и в путь. А моряки тебя в обиде не оставят. Подкинут прямиком до Поти или Редут-Кале. Все ж лучше, чем по болотам и чащобам абхазским пробираться!

Резон в словах контр-адмирала, несомненно, присутствовал. Только гладко было на бумаге, да забыли про овраги! Как придет черед плыть на восток, непременно Коста понадобится на западе. Не Коста, а Фигаро натуралис… Фигаро здесь, Фигаро там…

— Расстроился? Так доля наша такая – Государю служить верой и правдой! Ты же русский подданный! – тут Эсмонт решил сменить кнут на пряник. – Приглашаю тебя на обед в свою кают-компанию! Когда тебе еще доведется за адмиральским столом посидеть!

«В гробу я видел ваш стол – хоть адмиральский, хоть контр-адмиральский! Вот же мотает меня последнюю неделю! То пальцами ем в стылой кунацкой, то в цепях в вонючем трюме еле ложку до рта доношу. Теперь мучайся с серебром столовым да с хрусталем! Нет, не задалась у меня любовь с Черноморским флотом!» – в сердцах подвел я итог нашей беседы, понуро бредя за Эсмонтом в кают-компанию для старших офицеров.

… Предупреждение о том, что штаб-офицеры меня замучают, оказалось вещим. До рассвета чертил с ними планы, вспоминая ширину речек, висячие мосты, открытые пространства и глухие чащобы, урочища с брошенными хижинами и господствующие высоты в районе мыса Адлер. Не сложно было сложить дважды два. Флотские готовили десант в окрестностях имения Гассан-бея.

Чувствовал ли я себя подонком, наводя пушки на владения Хоттабыча? Однозначно. Он спас меня на скале у Гагр. Дал мне пищу и кровь. Помог экипироваться для прорыва через Главный Кавказский хребет. Я был знаком с его сыном и будущей невесткой. Общался с его домочадцами. Даже видел колено его старшей жены! И теперь его предал. Сдал с потрохами. Мне не помог совет де Витта. Не выходило отбросить нравственную брезгливость. Было тошно на душе, даже несмотря на то, что Хоттабыч был сторонником английского короля. То есть врагом.

Единственное, что меня примиряло с самим собой – это то, что флот так или иначе нападет на мыс Адлер. И если мне доведется попасть в те места раньше начала летней военной кампании русских, я непременно предупрежу Гассан-бея. Хотя бы женщин и детей заранее укроет в безопасном месте. Я обязан спасти прекрасную бабочку, карачаевскую принцессу.

Злой и раздраженный, я прибыл на борт «Лисицы». Спешивший навстречу Белл удивленно воскликнул при виде меня, прижимавшего к груди ящик со своей пятизарядной «прелестью». Его должна была отвезти на «Аякс» шлюпка, доставившая меня на шхуну.

— Вам вернули даже ваши револьверы! Вы свободны и без цепей на руках! Как так вышло?

— Замели волки позорные! Дело шьют по беспределу! – зло ответил я по-русски.

— Что это значит? – хором воскликнули Белл и Чайлдс, прибежавший узнать последние новости.

— Непереводимая игра слов! – буркнул в ответ сердито на английском и добавил уже спокойно. – Нам поменяли статус. Мы теперь не арестованные, а подследственные. Разбираться с нами будут в Севастополе.

— Мы в курсе! – серьезно кивнул шкипер. – Ожидаем прибытия отряда охраны и сигнала к отправке. Мистера Белла от нас забирают.

— Надеюсь, капитан, вы не задумали никаких шалостей? И не подставите меня перед русскими? Не попытаетесь сбежать? – Джеймс Станислав был обеспокоен не на шутку. – Я прошу вас, Зелим-бей, проследите за порядком! Как-то мне не улыбается провести остаток дней в Сибири!

— Будьте покойны! Прослежу! – я подмигнул Чайлдсу. – Заряжу оба револьвера и при первой попытке мятежа приведу приговор в исполнение.

Капитан моей шутки не понял. Он с тревогой взглянул на мой оружейный ящик, махнул рукой Беллу на прощание и убежал на шканцы со словами «чертовы черкесы!».

— Кажется, он принял ваши слова всерьез, – хмыкнул Белл. – Оно и к лучшему.

— Вы всерьез допускаете мысль, что Чайлдс попытается сбежать?

— Он дал мне слово джентльмена! Но ни в ком нельзя быть уверенным до конца. Увы! Такова жизнь! Лучше расскажите, как вам удалось выкарабкаться из железных оков?

— Точно не с вашей помощью! Меня допрашивал лично контр-адмирал Эсмонт. И он мне намекнул, что с вашей стороны не было предпринято ни одной попытки моего освобождения!

— Наглый поклеп! Уверяю вас, уважаемый Зелим-бей, я пытался! Комиссии, которую выдумал старина Эсмонт, были представлены факты вашей на меня работы. Я даже настаивал на том, что вам причитается недоплаченная часть гонорара. Но все было тщетно. Более того, комиссия обернула эти показания против меня. Она ссылалась на некие инструкции, запрещающие турецкоподданным входить в сношения с черкесами. Теперь вас подозревают в разжигании мятежных настроений. Боюсь, ваши мытарства не закончены.

Я удовлетворенно хмыкнул про себя. Сметанный на живую нитку план моего пребывания в Севастополе имел все шансы на успех. Мы придумали его с Вульфом, который чувствовал передо мной вину. Я вовсе не горел желанием торчать месяц-другой на борту «Виксена» на севастопольском рейде, пока будет идти разбирательство. В Крыму у меня найдутся занятия повеселее. Понятно, что из Севастополя меня не выпустят, даже после карантина. Но если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Что мешает моим близким и друзьям навестить меня в крепости? Я с трудом выбил эту привилегию у контр-адмирала за его шикарным обеденным столом. Привилегию быть арестованным по прибытии в порт назначения!

— Да! – согласился я с Беллом. – Легче богатому проскочить в рай, чем выбраться из жерновов правосудия хоть раз туда попавшему! А все вы виноваты!

— Я? В чем моя вина? Вы же сами напросились на шлюпку, чтобы добраться до «Аякса»!

— Могли бы мне отказать! Или намекнуть на последствия! – атаковал я Белла, наплевав на логику.

— Вы не в себе после пребывания в цепях! Успокойтесь!

— Как я могу успокоиться, если мне нужно в Грузию, а меня отвезут в Севастополь?!

Белл тяжело вздохнул. Крыть ему было нечем. Но я ему был нужен, ибо даже в его тщательно продуманном плане была одна опасная дырочка. Передача горцем оружия! За это он мог схлопотать срок на каторге вместо того, чтобы быть высланным за пределы Империи. Многое

могло зависеть от моих показаний в ходе судебных следствия. И он готов был звиздеть, как Троцкий, лишь бы перетянуть меня на свою сторону.

— Обстоятельства разрушили ваши планы, мой друг, – ого, я уже, оказывается, «друг»! – Я клянусь компенсировать вашу потерю времени. Как только мы вернемся в Турцию, найму вам корабль. Домчит вас быстрее ветра до солнечной Грузии! Главное, не болтайте об оружии, которое мы передали горцам. Не к чему ухудшать наше положение. Надеюсь, вы смолчали на допросе о сем сложном моменте?

Я вяло кивнул.

— Вот и прекрасно! Терпение и еще раз терпение! Все идет по плану! И вы, уверяю вас, в накладе не останетесь!

Надавав мне пустых обещаний, Белл позвал Луку и полез в шлюпку. Его ждал «Аякс» и его страшный капитан. Меня же ждала койка в моей каюте. Ноги сами несли меня к ней. Я не спал, как нормальный человек, несколько дней, а прошлая ночь выдалась и вовсе бессонной. Спать!

… Или капитан-лейтенант Вульф был хроническим неудачником, или, в самом деле, учился на одни «тройки» в Черноморской штурманской школе. По-моему, у него были все шансы потерять одну из двух звездочек на своих эполетах. Это же уму непостижимо! 26 ноября у крымских берегов при свежем юго-западном боковом ветре «Аякс» исчез из вида! Конвойный потерял конвоируемого всего через четыре дня после отплытия!

Капитан Чайлдс не обрадовался. Он перепугался!

— Коста! – мы с ним договорились общаться без формальностей в отсутствии «купца Беля». – Что мне делать? Охрана в панике. Того глядишь пустит в ход свои ружья! Она на каждый маневр реагирует нервически. Но я не могу не лавировать!

— По-моему, дурная затея – метаться вдоль крымских берегов в поисках «Аякса». Проще идти прежним курсом на Севастополь. Если мы развернемся или – того хуже – сманеврируем на юг, боюсь случится непоправимое.

— Полностью с вами согласен! Умоляю! Поговорите с русскими. Пусть они успокоятся.

Дежурная смена матросов с «Аякса» распределялась так: трое во главе с унтер-офицером с красными погонами на плечах – на шканцах, двое – на баке. Я подошел к тем, кто стояли около рулевого. Лица у всех были напряженными, покрасневшими от ледяного ветра. Пальцы крепко сжимали ружейные стволы. Смотрели на меня исподлобья. Так и хотелось им напеть про Don't worry – be happy.

— Братишки! Спокойно! Все под контролем! Шкипер худого не замыслил! Идем прежним курсом на Севастополь!

— Как же нам быть спокойными, господин хороший, коли бриг пропал из виду?

— Бриг пропал – спору нет! Но родные берега – вон они, по правому борту. Сейчас Ялту минуем, и хуторок покажется. Там моя сестра с племяшкой живет.

— Так ты крымский?! – тут же перешел на «ты» унтер. – Нешто грек? Из балаклавских? Что же ты в черкеске бегаешь?

— Отвечаю по порядку. Не крымский, но родня живет. Не балаклавский, но меня вся Балаклава знает. Кум у меня там – штабс-капитан Сальти. А черкеску не зазорно носить. В нее уже половина офицеров Вельяминова нарядилась!

— Уф! Вот как от сердца отхлынула беда! – унтер вытер мокрое от дождя лицо. – Все в порядке, ребята! На базу идем!

Матросы заметно расслабились. «Be happy» не стали, но взгляды явно потеплели.

— Как же мы в порт зайдем, уважаемый? – спросил меня опытный моряк.

— А в чем проблема? Зайдем – и вся недолга!

— Странные вещи говоришь! Как же можно? Корабль под чужим флагом – да на военный рейд!

Правильный вопрос задал унтер-офицер. Могли нас и ядрами встретить с батарей. Мне же де Витт еще говорил: дан приказ топить чужие корабли, пытающиеся проникнуть в порт Севастополя. Прикидывали вместе с Чайлдсом и так, и этак. Ничего не придумали. Шкипер, хоть и англичанин, положился на русский авось.

И не прогадал! Наше появление в порту застало всех врасплох. Батареи молчали, как и береговые службы. Никто к нам не приближался, чтобы выяснить, какого лешего мы вперлись в охраняемую гавань. Видимо, на берегу шло согласование между высоким начальством, как реагировать на нарушителя. «Виксен» же болтался на рейде, как приблудный бульдог в галстуке из Юнион Джека.

Не прошло и трех часов, как к нам приблизился весельный баркас. Офицер в сухопутной форме ластового экипажа прокричал нам в рупор вопросы. Мол, какого хрена? Чайлдс ответил: «с такого». Унтер подтвердил, что хрен вышел с позволения морского начальства.

— Ждите! – вот и весь ответ.

Через два часа подошел новый катер. С него закричали:

— Таможенно-карантинная служба! Экипажу спустить трап и построиться у дальнего борта!

Вскоре на палубу поднялась группа солдат во главе с офицером. Лица у всех, как и в одесском карантине, были замотаны тряпками. Но я узнал старшего группы. Это был мой старый знакомый, штабс-капитан Проскурин!

Глава 6 . Сижу за решёткой в темнице сырой.

После визита таможенно-карантинного наряда шхуну гребным баркасом отбуксировали назад, с главного рейда в Карантинную бухту. Она напоминала змею, извивающуюся на плоской, лишенной растительности, каменистой земле, припорошенной снегом. Здания карантинной службы, включавшие пристань и пакгауз, имели неприглядный вид, являя разительный контраст с одесским Карантинным городком. Столь же унылыми выглядели окрестности. Здесь "Лисице" было предназначено простоять все время, пока будет идти следствие. Любое сообщение с берегом, кроме почтового, возбранялось.

Изоляция "Виксена" была вызвана несколькими причинами.

Севастопольский карантин вообще отличали строгие порядки. В городе еще не забыли события 1830-го года, когда из-за искусственно навязанного карантинного оцепления и ограничений вспыхнуло народное восстание. Убийство губернатора, введение в бунтующие слободки войск, следствие и суд, казнь зачинщиков – Севастополь тогда прилично потрясло. Повторения подобного никому не хотелось. Экипажу было приказано оставаться на борту вместе с русской охраной. Через 12 дней на шхуне стали подходить к концу запасы продуктов. Белл, не успев прибыть с «Аяксом», принялся бомбардировать берег паническими и обвинительными письмами на имя Лазарева. Он обвинял флотское начальство в желании заморить британцев голодом. Сетовал на отсутствие консула и английских купцов, через которых можно было бы передать письма на родину, "дабы привлечь внимание европейской общественности к деспотическому произволу".

Когда две недели карантина истекли, стало понято, что Белла, Чайлдса и его команду удерживают в Карантинной бухте не только из-за опасений занести в город заразу. Флотские просто никак не могли решить, что им делать с задержанными. Лазарев со своим штабом сидел в Николаеве и на все запросы портового начальства отвечал: "ждите!". Он списывался с Петербургом, с высокими чинами в Адмиралтействе в надежде получить инструкции. Ему отвечали так же, как адмирал отбрехивался от севастопольцев. Без императора никак невозможно было решить дело. Прыжок "Лисицы" натолкнулся на торжество бюрократического идиотизма николаевской России.

Обо всех этих чернильных баталиях мне поведал Проскурин. Он сопровождал меня на гауптическую вахту, где мне предстояло пребывать все время судебного следствия.

Официально я числился арестованным как турецкий эмиссар, вступивший в предосудительные сношения с кавказскими мятежниками. Именно на этом основании штабс-капитан забрал меня со шхуны в день прибытия "Виксена" в Севастополь. Его специально вызвал в Крым де Витт, узнавший о моем пребывании на "Лисице". На пароходе добраться до Севастополя вышло в три раза быстрее, чем нам под парусами. Я был рад его видеть.

Положенные две недели карантина отсидел в лазарете, пугая штаб-лекарей своим черкесским видом. Отоспался. Отъелся казенных харчей. Описывал вместе с Проскуриным свою кавказскую "Одиссею" и, по его совету, оформлял все записками в виде описания отдельных районов Черкесии как будущих театров военных действий.

— Мы, военные, такое любим, ты уж мне поверь! Вот, ты черноморцам подарил картинку мыса Адлер. Честь тебе и хвала! Зачтется в будущем, когда награды начнут раздавать. Так что не ленись – шпарь дальше. Дороги, сколько народу в аулах, как к ним подступиться…

Я и «шпарил». Извели на пару тонну бумаги, бочонок чернил и две бочки вина. В общем, весело время провели. Теперь мне предстояло испытать на собственной шкуре гостеприимство военно-морской пенитенциарной системы.

— Знал бы ты, брат, каких трудов мне стоило запихнуть тебя на гауптвахту к морякам! – делился со мной Николай Ефстафьевич. – Сам знаешь, каковы эти флотские! Упрутся, как

баран в ворота – с места не сдвинешь. Не положено, не положено... Не моряк... Можно подумать, я тебя не в тюрьму устраивал, а в отель "Ришелье". Одно помогло: числишься ты нынче за судом, составленным из капитанов. Ему судьбу "Виксена" решать.

— И к чему дело идет?

— Флотские, понятно дело, трубят на всех углах, что шхуна – их законный приз. Теперь нужно лишь найти юридические основания, чтобы конфискации придать приличный вид. В Европе про это дело уже вовсю шумят.

— А что Британия? Войной еще не грозит?

—Ждем свежих газет. Пока все тихо. Но ясно, что они это так не оставят.

— А со мной что будет?

— Твоя роль еще не определена. То ли ты переводчиком на суде будешь. То ли обвиняемым. То ли и тем, и другим. В любом случае, на гауптвахте будешь не сидельцем, а постояльцем. Хотя, если хочешь, могу попросить, чтобы тебя в общую камеру к офицерам-дебоширам пристроили, – хохотнул Проскурин.

— Ну тебя, с твоими шуточками!

— Нет, а что? Чем не идея? В цепях уже посидел. Считай, опытный арестант-каторжанин! Станешь в камере бубновым тузом!

— Тьфу на тебя!

— Ладно, ладно... Извини! Никто тебя обижать не будет! Но в город тебе ходу нет. Кто знает, сколько тут шастает английских шпионов? Спалишься запросто. Я тебе еще куртку моряцкую притащу, нормальные портки и сапоги. Хватит народ пугать своим видом! Видел я, как персонал лазарета на твой кинжал пялился!

— А что такого? Не им же одним людей резать?!

Мы дружно засмеялись. Настроение было отличным. Не знаю, как Проскурин, а я просто кайфовал от возможности пройтись по городу с его прямыми улицами и специфической публикой. Как-никак крепость и военно-морская база. Мундиров, киверов и треуголок хватало. Как и баб из слободок, спешивших куда-то по своим делам. Как же я соскучился по своим – по Марии, Янису, Умуту, моим грекам. Весточка уже отправлена. После Рождества жду их в гости!

Специально в "маляве" упирал на то, что только после Рождества. Зная соплеменников, был убеждён, что табором примчались бы именно на великий праздник, чтобы не оставить единоверца в такой день одного. Но я совсем не хотел, чтобы они пожертвовали таким событием. Все-таки для греков Рождество – значимый праздник. Забавно, что в СССР моя семья справляла его, как и все православные 7 января. Переехав в Грецию, я уже отмечал его 25 декабря. И уже привык к интенсивности празднования. Религиозная составляющая для греков, безусловно, основная. Но кто ж может им запретить при этом веселиться без удержу! Недаром период с 26 декабря по 6 января в Греции называют Додекамероном! Двенадцать дней гульбищ, вкусной еды!

Чтобы хоть как-то соответствовать традициям, упросил Проскурина принести мне полено от здорового и крепкого оливкового дерева. Думал, удивится, начнет расспрашивать, на что оно мне. Уже готовился разъяснить, что так греки так оберегают дом от злых духов, незваных гостей. Полено горит все двенадцать дней! Проверено! Но Проскурин, все-таки, долгое время крутился среди греков. Уже знал многие обычаи. Не удивился, но репу почесал.

— Где ж я тебе его достану? – махнул рукой. – Достану как-нибудь! Не лишать же тебя совсем такого праздника?!

И – достал! Я со смехом подумал, что вполне возможно Проскурин наведался в гости к де Витту. Там и нанёс урон Гефсиманскому саду гения русской разведки!

Я закинул полено в вычищенную, я бы даже сказал, вылизанную, печку. Присел возле.

"Мои сейчас все на службе в Балаклаве! – представил всех, стоящих в ряд. – А Умут, либо ждет у входа, либо, наверное, в доме у Егора. Слюну роняет у накрытого стола. Закончится служба, вернутся... И начнется двенадцатидневный марафон!"

Я смотрел на огонь. И совсем не жалел о том, что сейчас не праздную с родными. Сознание того, что у них все в порядке было мне важнее и грело куда больше!

— Твои явились табором! – сообщил мне моряк-охранник поздним утром.

Я расхохотался от того, что и он определил толпу греков на цыганский манер.

—-Бузят уже?

— А то! – моряк усмехнулся. – Требовали, чтобы всех пропустили!

— И?

— Двоих только. Остальные там подождут. Пойдешь что ли навстречу?

Пришла задорная мысль.

— Нет. Разыграть их хочу!

Охранник попался с чувством юмора. Согласился подыграть еще и за обещанный магарыч.

Когда Егор и Ваня – не сомневался, что будут именно они – подошли к камере, я уже сидел на полу "закованный"! Изображал мученика! Чуть не раскололся, когда увидел у Вани в руках здоровое полено. Держал его, как ребёнка. Или как драгоценную бутыль какой-нибудь из своих водок. Завидев меня, оба вскрикнули сначала. Потом разделились. Егор бросился выговаривать матросу на русском за издевательства надо мной. Ваня на греческом по матери поносил власти, и одновременно, справлялся о моём состоянии.

Матрос, вошедший в роль, внимания на наскоки Егора не обращал.

— Наше дело маленькое! Как приказали, так и держим!

Тут и Ваня переключился на него.

"Этак он его сейчас поленом огреет!" – подумал я, освобождаясь от цепей.

Встал, подошел к ним.

— С Рождеством, греки! – гаркнул весело.

Греки недолго приходили в себя. Быстро раскусили розыгрыш. Бросились с радостными возгласами обниматься.

— Смотри-ка, не забыли! – указал я на полено.

— Конечно! – Ваня протянул мне его.

— Спасибо, конечно! – я указал им на печку.

Увидев, что я блюду традиции, кум не удержался:

— Нет такой тюрьмы, которая помешает нам, грекам, справить Рождество! – благо произнёс эту чуток напыщенную фразу на греческом.

Полено положили рядом с печкой. Двинулись к выходу.

— Я так понимаю, что и стол уже накрыт? – поинтересовался.

— Думаю, как раз успеют к нашему приходу, – подтвердил Сальти. – Стола нет, не обессудь. Но что-нибудь придумают!

Шли коридорами. Заметил, что местные с некоторым недовольством смотрят на Ваню и Егора.

— Чего это они? – спросил шепотом.

— По форме узнали, – отвечал Егор. – Нас же местные не очень любят.

— Почему?

—-Мы участвовали в подавлении чумного бунта.

— Чумного?!

— Ну, так говорят, – к разговору присоединился Ваня. – На самом-то деле бунт был бабий.

— ?!

— Начался из-за женщин. Их довели своими приставаниями штаб-лекари. Кому понравится, когда твоих жён или дочерей лапают да насилуют?!

— Как такое возможно?!

— Оказывается, возможно, – Ваня пожал плечами.

— Ну и начальство местное... – Сальти сдержался от мата. – Постарались! Тут же, когда карантин ввели, они все поставки дров и продуктов на себя оформили и продавали только через свои компании. Везли всякую дрянь. Зарабатывали огромные деньги. И это же длилось не год и не два. С начала войны с турками. И чтобы эта схема жила долго, лекари любую болезнь объявляли чумой! И каждую смерть записывали на чуму! Людей изолировали. И они умирали уже не от болезней, а от того, как их там содержали. В больницах – ни одеял, ни продуктов, ни лекарств! Пожаловаться? Ни-ни! Нравы тут, в Севастополе – суровые. Офицеры могут запросто мастеровому по зубам съездить! Было дело в 30-м году. Контр-адмирал Пантаниони ударил уважаемого кораблестроителя. Так потом прятался! Его чуть не прикончили! И матросов истязают так... Не приведи Господи! За малейшую провинность раздевают догола, к пушке привязывают и секут линьками до потери сознания. Через пару часов моряк может умереть!

"А я еще Спенсеру указывал на английские методы! А тут в своем Отечестве такое же паскудство! Я уже не говорю про начальство и поставки! Это в России и сейчас цветёт пышным цветом! И даже похлеще! Поневоле посмотришь на Китай и задумаешься. Вон они на центральной площади проворовавшихся чинуш казнят! И, вроде, передёргивает от сознания, что это происходит в XXI веке. А, с другой стороны, насмотришься на россиян, нет-нет, да и согласишься про себя, что и у них не мешало бы Лобное место кровью окропить. Чтоб неповадно было!"

—- Так никакой чумы в городе не было? – спросил, отвлекшись от размышлений.

—- Нет, конечно! – хмыкнул Сальти. – Просто зарабатывали на этом. Карантинные чиновники и врачи. Потому что получали суточные.

— И какие?

— Инспектор карантина и полицмейстер, например, по десять рублей!

Я присвистнул!

— Да, да... Представляешь сколько в месяц? А в год?

— Гигантские деньги! – я вздохнул. – Поэтому в их интересах было карантин сохранять.

— Ну, конечно! А когда еще женщин начали насиловать! Тут уж... – Егор махнул рукой.

— Понятно! Чем закончилось? Ну, понятно, что подавили. Я имею в виду...

— Половину Севастополя выслали в Архангельск! – тут уже вздохнул Ваня. – В сентябре это было. А многих босиком погнали! Только ты не подумай! Мы, балаклавцы, только в оцеплении стояли. В подавлении не участвовали!

— И все равно...

— Да! – Егор горестно покачал головой. – И все равно. Но местных тоже можно понять. И нас. Мы люди служивые!

— Как приказали, так и держим, – вспомнил я слова подыгравшего мне матроса. – И каждому же не будешь доказывать, что вы только в оцеплении были.

— Вот, вот! – подтвердили Егор и Ваня хором.

— Ладно! – рубанул Сальти. – Хватит о грустном. Праздник же! Посмотри!

Мы как раз вышли во внутренний дворик гауптвахты. У забора томилось все семейство. Раздался дружный радостный вопль. Я не выдержал. Побежал.

—- Об одном тебя прошу, Мария! – кричал на ходу. – Только не плачь!

Но сестра уже плакала. Услышав мои слова, рассмеялась. И все равно продолжала плакать.

Несколько минут ушло на то, чтобы всех расцеловать. Мы не обращали внимания на кованые прутья забора, разделившие нас. Не обращали внимания на то, что бьёмся в них головами. Целовались и целовались, беспрерывно разговаривая хором.

— Сестра!

— Брат мой!

— Как же ты похорошела! Племяш!

— Дядя! – Янис отвечал на греческом.

— Умут! Ты еще жив? Греки тебя не сожрали? – со смехом спросил зятя на турецком.

— Шурин, дорогой! И жив, и счастлив, как никогда! – Умут ответил на греческом.

— Вах! – я удивился.

— Он выполнил наше условие! – смеялся Сальти. – Так сейчас шпарит, что не отличишь от настоящего грека.

— А еще я выполнил твою просьбу!

Под общий смех Умут продемонстрировал свои сапоги. Классического черного цвета.

— Дайте уже нам обнять его! – расталкивали всех Эльбида и Варвара. – Родной наш!

— Полено передали? – строго спросила Эльбида.

— А как же!

— А ты чего стоишь? – набросилась Варвара на Ваню.

— А что? – Ваня не понимал причину наезда.

— Наливай уже! Отметить надо!

— Люди! Вы это слышали! – возопил в небеса Ваня. – В первый раз за сто лет совместной жизни она предложила мне налить!

Все расхохотались.

— Какие сто лет, паразит?!

— А! – отмахнулся Ваня. – С тобой год за три надо считать!

— Домой вернемся, я тебе устрою!

Опять хохот.

Ваня разлил. Здесь же на перевернутых корзинах, покрытых салфетками, уже разложили еду.

— Можно я скажу? – попросил я Ваню и Егора.

— Конечно!

— Сегодня великий праздник! Для всех нас. Двойной. И Рождество, и встреча с семьёй. Не обращайте внимания на место. Не тревожьтесь за меня. Вы сейчас вряд ли сыщете в мире человека более счастливого, чем я. Никакие трудности не имеют значения, если семья рядом с тобой. Когда все живы, здоровы и вместе. Я всех вас очень люблю! Выпьем за это!

С восторгом выпили. Ваня тут же бросился опять наполнять стаканы. Варвара не противилась.

— За Косту! – провозгласил Ваня. – За человека, собравшего эту семью. Я сейчас тоже не говорю про это место. Он создал нашу нынешнюю семью. Мы теперь не можем представить жизни друг без друга!

Выпили.

— Наливай! – теперь приказал Сальти, видимо еще опасаясь гнева Варвары, если бы предложение исходило от Вани.

Только после тоста Егора за процветание нашей семьи сделали паузу. Я бросился с расспросами.

— Рассказывайте, рассказывайте! Как вы? Что творится? Сестра?

— Все хорошо, брат!

—- Нашёл кого спросить? – усмехнулся Ваня. – Она же из скромности слова не скажет.

— Все так хорошо?

— Хорошо?! – улыбался Сальти. – Да она теперь знаменитость у нас. Весь Крым побывал в её таверне!

Мария покраснела.

— Не слушай их, Коста. Какой весь Крым? Что ты несешь, кум?

— Весь не весь, – вступила Эльбида, – но много. И весь скоро будет! Она же так готовит!

— Сама Голицына к ней как-то наведалась! – докладывал Ваня. – Я, говорит, наслышана. Все хвалят. Приготовьте и мне что-нибудь. Хочу попробовать.

— И? Что приготовила, Мария?

— Баранину потушила.

— Что сказала Голицына?

— Сказала, что еда для неё немного непривычная, тяжелая...

— Э! – не выдержала Эльбида. – Сказала, что такой вкусной баранины прежде не ела. Потом Мария сделала ей еще козлятину. В общем, раз в неделю, что-то обязательно готовит и со слугой отсылает княжне.

— Трактир переполнен с утра до вечера! – с гордостью сообщил Умут.

— Значит, все получилось?

— На все воля Аллаха и Бога! – дипломатично ответил Умут. – Но пока всё хорошо.

— А твои дела?

Тут волна скромности накатила на зятя. За него отвечала Мария.

— По голове себя бьёт! – прыснула.

—- Почему?

—- Жалеет, что первую партию апельсинов небольшую привёз.

— Испугался? – спросил Умута.

— Каюсь! – склонил голову зять.

— То есть пошло дело?

— За три дня все распродал! – Умут прокашлялся. – Скоро поеду еще раз. Договорюсь с братьями, чтобы как минимум по два корабля загружали и присылали.

— Правильно! А точно наши не обижают? – смеясь, произнёс шёпотом.

— Я тебе так скажу, – Ваня выпятил грудь, – как сегодня Варвара в первый раз предложила мне налить, так и Умут – первый турок, которого полюбили все греки Балаклавы! Да и не турок он уже вовсе! Наш человек!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.